

ИРИНА КОВАЛЬЧУК

Ваня Жуков против...

Ирина Ковальчук
Ваня Жуков против... Книга
для детей и родителей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792823

ISBN 9785448398513

Аннотация

Эта книга – первая часть дилогии о мальчике, который, следуя за любимым героем, попадает в таинственный мир и оказывается на границе жизни и смерти. Здесь его ждут приключения, но это уже не игра. В борьбе за свою бессмертную душу он учится отличать добро от зла, спасая себя и других... Вторая часть дилогии – «Тень зиккурата». Это история о Ване Жукове девять лет спустя.

Содержание

Часть первая. Новорождённый №13	6
1	6
2	11
3	16
4	18
5	20
6	22
7	24
8	26
9	30
10	34
11	38
12	40
13	53
14	56
15	66
16	70
17	76
18	81
19	93
20	95
21	103
22	110

23	112
24	117
25	120
26	123
27	137
28	145
29	150
30	153
31	159
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Ваня Жуков против...

Книга для детей и родителей

Ирина Ковальчук

Иллюстратор Марина Федоровская

© Ирина Ковальчук, 2019

© Марина Федоровская, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-9851-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая.

Новорождённый №13

1

Ваня Жуков, белокурый мальчик из 6-А, горько плакал под школьной лестницей, забившись в самый дальний угол. Шёл урок. В школе было тихо. Ваня сдерживал рыдания изо всех сил, чтобы остаться незамеченным. Обида жгла глаза ещё больше, чем слезы. Над ним и раньше подшучивали: и «маменькин сынок», и «пай-мальчик», и «иди, иди, расскажи Ваня терпел и никогда никому не жаловался. Его так учила мама. Но сегодняшней обиды он стерпеть не смог. Завтра был день его рождения. Мама разрешила пригласить друзей, а ему так хотелось пригласить Алёну, очень похожую на Мальвину, только светло-русую, мысли о которой частенько мешали ему делать уроки. Ваня отважился подойти к ней во время завтрака, и они вместе пили чай с булочками. Он угостил Алёну пирожком, испечённым мамой, и уже, было, начал, слегка задыхаясь от волнения, говорить о завтрашнем дне рождения, как вдруг оказался в окружении Лёхи по кличке Крутой из 8-Б и его «специалистов», или просто «спецов», как они себя называли.

– Ой, какая парочка, – громко, так чтобы слышали все присутствующие в буфете, пропел Лёха. – Прям, сестрица Алёнушка и братец Иванушка!

Все вокруг рассмеялись.

– Ну, и чего это ты там ей шепчешь? А? Говорила же она тебе: «Не пей Иванушка из копытца – козлёночком станешь». А ты ведь не послушался! Вот теперь тебе и ме-е-е, – под крики всеобщего одобрения проблеял Лёха.

Щеки Алёны залились краской. Она бросила на Ваню гневный взгляд и, оттолкнув хохочущего перед ней «специалиста», быстро ушла, оставив на столе незаконченный завтрак.

– Смотри, какая цаца! – неслось ей вслед. – Спасибо за пирожок! А козлёночка своего чего забыла?

Кровь застучала у Вани в висках, в глазах потемнело, и он бросился на Лёху, забыв всё, чему его учила мама.

От неожиданности Лёха едва удержался на ногах. Ваня успел нанести ему несколько ударов, пока он пришел в себя и нанёс ответный удар.

– Дай ему, Лёха, по рогам, – выкрикнул кто-то из «спеццов».

– Да мы из тебя козлятину сделаем, – подхватил другой Лёхин дружок, и удары посыпались на бедную Ванину голову со всех сторон.

Кто-то кричал: «Прекратите! Разнимите их немедленно! Позовите охрану!», но Ваня не реагировал, он отбивался

на все стороны, не помня себя от ярости. Потом кто-то схватил его сильными руками и оттащил в сторону, за спиной что-то кричали, толкали в спину, и, наконец, Ваня оказался в кабинете директора. Он тяжело дышал, болела спина и плечи. У Лёхи под глазом наливался кровью синяк. У Вани пекла вспухшая нижняя губа.

– Кто начал драку? – грозно спросила Татьяна Ивановна, заместитель директора по воспитательной работе, которую называли «замдир по вэрэ».

Все молчали.

– Кто начал драку, я спрашиваю? – ещё более сдавленным голосом повторила она.

В этот момент в кабинет вошёл директор, Олег Петрович, лысеющий мужчина за 40, и раздражённо окинул взглядом присутствующих.

– Вот полюбуйтесь, Олег Петрович, на этих красавцев! Драку устроили в буфете и молчат.

– Олег Петрович, это всё он, – тоном побитого ягнёнка стал оправдываться Лёха. – Вот этот, из 7-А, набросился на нас, как ненормальный.

– Да, да, это всё он, – вторил Лёхе хор ягнят из изрядно потрёпанных Ваней «спецов».

– Мы это, ничего... Пошутили просто. А он набросился на нас с кулаками, – продолжал Лёха, преданно глядя директору в глаза.

– Вы только посмотрите, какой синяк он Лёхе поставил, –

подхватил кто-то из «специалистов». – Зверь, а не пацан.

– Почему стал драться? – директор грозно посмотрел на Ваню, стоявшего с опущенной головой. – Из-за чего подрались, я спрашиваю? – По голосу Олега Петровича было ясно, что просто внушением это дело не закончится. – Чего молчишь, сорванец? Драться научился, а разговаривать нет?

Не смотря на растущее раздражение директора, Ваня продолжал молчать.

– Ну, подожди у меня. Я научу тебя Родину любить! – Олег Петрович отчеканил свою любимую притказку. – Ты у меня быстро научишься правилам поведения в школьном буфете!

Прозвенел звонок. Раскрасневшийся блюстителъ школьного порядка почему-то посмотрел на часы, как будто проверяя, не было ли и здесь какого-нибудь нарушения, и, убедившись, что всё правильно, отдал распоряжение Татьяне Ивановне:

– Всем замечание в дневник, а родители этого молчуна, чтоб сегодня же были у меня в кабинете. Все свободны.

Лёха с компанией дружно выдохнули с облегчением и поспешили прочь из директорского кабинета. Ваня вышел с опущенной головой, но тут же услышал приглушенный голос одного из «спецов»:

– Не вешай нос, козлёночек. Придёт мамка – сопли подотрёт.

Ваня встrepенулся, готовый ударить обидчика, но того

уже и след простыл.

2

Ваня Жуков всё ещё плакал под лестницей, когда поблизости раздались чьи-то шаги. Он затих и задрожал всем телом. Больше всего на свете ему не хотелось, чтобы его сейчас нашли. Стыд, обида, разочарование сдавили ему горло, но больше всего мучило ощущение несправедливости, свершившейся над ним. Перед глазами стоял гневный взгляд Алёны.

«Она теперь никогда больше не будет со мной разговаривать! – думал он. – Никогда! И разве в этом я виноват? А маме что я скажу? Как объясню, почему всё это произошло?»

Горькие размышления ученика из 6-А были прерваны голосом его классной руководительницы Марии Петровны:

– Вы не видели Ваню Жукова? Если увидите, передайте ему, чтобы зашёл к директору. Там его ожидает мама Алексея Беспалого, которому он разбил в кровь лицо.

Прозвенел звонок, вся школа наполнилась криком, смехом, шарканьем ног, среди которых время от времени выделялось: «Ты Ваньку Жучку не видел?»

– Ищите его, он где-то здесь. – На этот раз это был нагловатый голос Лёхи Крутого.

Ваня ещё дальше забился в угол, но ниша под лестницей недолго прослужила ему укрытием. Его вычислил один из Лехиных «спецов».

– А ну-ка, ну-ка! Вот и наш козлик! Давай выходи, а не то хуже будет!

Ваня и не думал выходить. Тогда подоспевшие Лёхины друзья просто вытащили его из-под лестницы и поволокли в кабинет директора.

– Давай, давай, пошевеливайся! Сейчас-то ты точно узнаешь, что такое Родину любить, – съязвил Сашок, правая рука Лёхи.

Когда возбуждённые спецы, тащившие сопротивляющегося противника, уже почти подошли к кабинету директора, из-за угла появилась Алёна, и её глаза на мгновение встретились с Ваниными. Гордая красавица демонстративно развернулась и скрылась за углом, но Ваня успел разглядеть её полный презрения взгляд, который ударил ему по сердцу, и этот удар был намного больнее, чем все удары Лёхи и его «специалистов» вместе взятые.

Лёхина мать была большая грузная женщина с ярко напояженными губами. Её красный рот изобразил нечто брезгливое при появлении Вани в проёме двери.

– Ах, так это *эта тихоня* из двадцать первого дома! Безотцовщина! С мамой чуть ли не за ручку ходит, а моего сына вон как изуродовал!

Лёха стоял здесь же, в кабинете директора, с тем же видом незаслуженно обиженного ягнёнка и преданно смотрел в глаза матери. Пальцами руки он то и дело нащупывал отёк под глазом и морщился при этом от боли.

– Не трогай, сыночка. Они прикладывали тебе что-нибудь холодное? Развели тут бандитов!

Ване так захотелось сказать этой жирной тётёе что-нибудь очень обидное, что у него даже слегка потемнело в глазах, но он сдержался.

– Ну, как тут Жуков, не разговорился?

Олег Петрович с важным и сердитым видом зашёл в свой кабинет и виновато развёл руками, глядя на искривлённый от негодования красный рот госпожи Беспалой.

– А ведь молчит, как партизан, – продолжил директор. – Ты будешь говорить или нет, сорванец? – крикнул он почти в самое ухо Ване, стоявшему с понуро опущенной головой.

– Пусть молчит, – вмешался красный рот Лёхиной мамы. – Когда его мать возместит мне стоимость порванной одежды сына, а она, замечу, немалая, и лекарств, необходимых на его лечение, он сам у неё заговорит, как миленький. Вот и мобильный у Алёши стал барахлить: с третьего раза только смог до меня дозвониться. Запомни, мальчик, я вам *ничего* не спущу. Вы мне заплатите за каждый лопнувший сосуд на теле моего сына! Ты понял? Я никому не позволю даже пальцем до него дотрагиваться, а не то, что бить!

Госпожа Беспалая, перейдя на фальцет, продолжала подсчёт убытков, моральных и материальных, понесённых их семьёй. Олег Петрович в редкие паузы, позволявшие расплавленной даме отдышаться, вставлял свои гундосые замечания, типа «и это правильно», «так им и надо, совсем от рук

отбились».

Ваня чувствовал, как кровь всё сильнее и сильнее прили-
вала к лицу, отчего ему стало казаться, что это не он сто-
ит здесь в кабинете директора, а раскалённый утюг. Ему так
хотелось жгущей поверхностью утюга приложиться к белой
пухлой руке, размахивающей пальцами у него перед носом.

Красный рот становился всё более и более расплывчатым.
Ване стало трудно дышать, голова превратилась во что-то
такое тяжелое, что её нужно было поддерживать руками. Он
схватился за голову, слёзы потекли из глаз, как вода, про-
рвавшаяся через дамбу.

– Как вы можете? Как вы *так* можете? – кричал он, захлё-
бываясь слезами. – Вы злые, злые!

Ване показалось, что голос его становится всё глуше и глу-
ше, как будто уплывает от него всё выше и выше в небо,
точь-в-точь как воздушный шарик, подаренный ему когда-то
мамой. Голос всё дальше и дальше удалялся от него, пока
не стих совсем. Стало легко и свободно. Потом стало темно,
как будто выключили свет, и всё пропало...

Когда он пришел в себя, рядом с ним уже не было ни Олега
Петровича, ни красноротой Лёхиной мамы. Было тихо, ок-
на зашторены, в углу у икон горела лампадка. Это была его
комната. Ваня хотел повернуть голову, но застонал от боли.
В этот же момент над ним появилось испуганное лицо мамы.

– Ванечка, как ты, сынок?

– Мама, как я здесь оказался?

– Тебя привезли. Всё хорошо. Ты только не волнуйся.

– Мама, я не виноват.

– Я знаю. Только не волнуйся. Всё будет хорошо.

Ване хотелось рассказать маме обо всём, что произошло, но что-то мешало, и с этим «что-то» справиться он так и не смог. Сын, молча, повернул лицо к стене и закрыл глаза.

После болезни всё пошло своим чередом, но только Ваня стал другим. Внешне он ни в чём не изменился, но сын перестал доверяться маме. То, что она говорила, было хорошо и правильно, но в жизни почему-то всё было по-другому. Они часто ходили в храм, там было красиво, но за дверями храма была совсем другая жизнь. Таких людей, как мама, было мало. В школе, во дворе, на улицах – везде были совсем другие люди, и они унижали таких людей, как его мама. Она говорила, что нужно терпеть и смиряться, но Ване это было не понятно. Он не хотел, чтобы его унижали такие, как Лёха Крутой, но, чтобы противостоять Лёхе, нужно было самому стать таким, как он.

Ваня пошёл в секцию по боксу. Хоть мама была против, он настоял на своём. В этой жизни ему нужны были сильные кулаки. Мама говорила, что сила духа важнее, чем сильные кулаки, читала ему жития святых, но всё это было не убедительно. Всякий раз, когда он тупо стучал по боксёрской груше, появлялось осознание силы, которой наливались его мускулы. Он знал, что ещё немного и всё, что возникнет у него на пути, будет дрожать так же, как эта груша.

– Жуков, зачем ты с таким остервенением бьёшь по груше? – Тренер делал ему замечание, но Ваня не отвечал. Никто не должен был знать, что эта груша была лицом Лёхи

Крутого.

Боксёрские перчатки он брал с собой в школу и в те дни, когда у него не было тренировок. Ребята подходили, трогали перчатки, просили их примерить, просили показать разные приёмы. Ваня боксировал с удовольствием и слегка хлопал друзей по затылкам в конце каждого показа. Он чувствовал, что авторитет его возрастает с каждым днем.

«Специалисты» его больше не трогали. Только однажды кто-то из них бросил ему вдогонку: «Козлик Боксёрыч победил». Ваня промолчал. Его час ещё не настал.

Все в школе читали книги о Гарри Поттере, один только Ваня не читал. Мама говорила, что книга эта бесполезная, а ее главный герой – совсем и не добрый мальчик, а потомственный колдун, и ничему хорошему научиться у него нельзя. Раньше Ваня верил маме, но теперь стал сомневаться: почему эта книга всем интересная, всем полезная, а ему нет? В конце концов, он имел право на собственное мнение. Просить книжку у одноклассников не хотелось, поэтому Ваня стал экономить на завтраках.

«Ничего, что голодный, – успокаивал он себя. – Зато на одну сосиску ближе к цели».

Наконец долгожданный день наступил, и шестиклассник Жуков, с замирающим сердцем, подошёл к заветному прилавку. Вот он, мальчик в очках! Затаив дыхание, Ваня указал пальцем на книгу, протянул деньги – и маленькое сокровище оказалось у него в руках. Он не положил книгу в рюкзак, а сунул её под куртку и прижал левой рукой. Сердце при этом забилось быстро-быстро. Ему не просто купили эту книгу родители, как другим детям. Он купил её сам! Он выстрадал её! Низка несъеденных сосисок повисла перед глазами, и чувство голода, которое до сих пор ему приходилось подавлять силой воли, набросилось на него с удесятёрённой силой. Ваня сильнее прижал книгу к груди и сказал чуть слыш-

но: «Главное – что мы встретились, и все трудности – уже позади».

Ваня заметил, что мама стала молиться дольше, чем обычно. Часто она просто стояла на коленях перед иконами и плакала. Раньше Ваня не мог выносить маминых слёз. Он всегда старался, как мог, её утешить, но теперь мамины слёзы стали его раздражать.

«Опять плачет. Только и умеет, что плакать, – думал он и отворачивался, чтобы не видеть жалкую согбенную фигуру. – У Гарри вообще не было родителей, но они оставили ему свою силу, а моя мама только и знает „Господи, помоги!“ А где же эта помощь? Отец ушел, денег едва хватает. Да, она добрая, но что ей дала эта доброта? Лёхина мать вот – совсем и не добрая, а Олег Петрович, хоть и директор, а, как рептилия, перед ней пресмыкается. Лёха – тоже недобрый, зато у него всё есть, и все его уважают только за то, что он крутой и родители у него крутые».

Ване так хотелось тоже стать крутым, и боксёрская груша была его единственной надеждой. Но до ринга победителя было ещё так далеко! Да и хватит ли у него сил? Вот герой его книги – это совсем другое дело. Ему не надо было бить эту тупую грушу до седьмого пота. Его родители просто передали ему колдовскую силу. А у волшебников всё просто: довели тебя до белого каления – и получайте обидчики!

Ваня часами просиживал над учебниками, представляя,

в кого бы он превратил Лёху Крутого. Свинья из него была бы слишком тощая. Зато ей можно было бы вдеть в пятак кольцо и таскать по школьному двору. Вот это была бы картина!

А Лёхину мать он превратил бы в пузатый металлический чайник с красной крышкой, заткнул бы ему носик пробкой и поставил на огонь. Вот тут бы она побулькала!

Олега Петровича он превратил бы в большую бородавчатую жабу и посадил бы на учительский стол. Всякий раз, когда жаба открывала бы рот, чтобы проквакать «я научу вас Родину любить», он давал бы ей щелчок под зад, и жаба летела бы кувырком со стола, плюхаясь на пол растопыренными лапами. Вот где была бы потеха!

Ваня выписал из купленной книги все заклинания, выучил их на память и пытался сотворить хоть какое-нибудь превращение, но ничего не получалось. Не хватало самого главного: ингредиентов. Лягушечью печень при желании можно было бы достать, попробовав убить лягушку. Но где взять скорлупу яиц дракона, селезёнки летучих мышей, глаза угрей или высушенные когти? Как это ни было противно, Ваня готов был съесть даже конфетку со вкусом блевотины, если бы она попалась ему в леденцах. Он был готов на всё, лишь бы только получить магическую силу. Силу, которая даёт власть даже над сильными, а главное – помогает их унижать.

– Мне нужно с тобой поговорить, сынок. – На вид мама была спокойна, но Ваня видел, как вздрагивали уголки её губ. – У тебя появились замечания в дневнике. Ты дерзишь учителям...

– Пусть сами не нарываються, – огрызнулся сын и демонстративно уставился в окно.

– А двойки? У тебя появились двойки. Это тоже учителя виноваты?

– Ну и что? Подумаешь, раз-другой не выучил! Для них двойку поставить – всё равно, что кайф словить.

Последние слова сына привели маму в смятение. Она растерялась и просто не знала, что сказать, а уголки губ задрожали ещё больше. Ваня знал, что она молчит, потому что молится.

«Всегда так! Даже накричать на сына-разгильдяя по-человечески не может!» – думал он, все больше раздражаясь.

– Сынок, ты за последнее время очень сильно изменился. Ты перестал ходить со мной в церковь, потому что у тебя, якобы, не хватает времени на подготовку уроков. Но какие уроки ты тогда готовишь, если у тебя дневник расцвёл двойками?

Ваня молчал.

– В это воскресенье мы пойдем с тобой на исповедь...

– Я не пойду, – коротко отрезал он.

– Но почему? Что изменилось? Я прошу тебя, объясни мне, почему ты не хочешь? – Мама больше не могла притворяться и сохранять спокойствие. В уголках её добрых глаз заблестели слёзы.

– Потому что твоя церковь учит терпеть и унижаться, а я не хочу, чтобы меня унижали. Не хочу! Я хочу быть сильным! Я хочу, чтобы меня боялись, и всё!

Последние слова Ваня уже не говорил. Он кричал, и ему было всё равно, делает он маме больно или нет. Это она во всём виновата! Это она воспитала его хорошим сыном, над которым могут безнаказанно издеваться такие выродки, как Лёха и его «спецы». Хватит! Он сам знает, как ему нужно жить.

– Кому нужна теперь эта учёба? Что она даёт? Что она тебе дала? Покажи мне, что она тебе дала!

Ваня кричал и кричал. Он хотел остановиться и не мог. Мама уже несла в рюмке какие-то капли, он судорожно запивал их водой, захлёбывался, кашлял, махал руками и ненавидел себя за слабость, за всё ту же слабость, от которой из всех сил старался освободиться.

Был прекрасный солнечный день. Небо было таким же безоблачным, как и настроение юного боксёра, идущего на свои первые в жизни соревнования. Конечно, он волновался, но эти волнения были приятны. Тренер его хвалил, говорил, что есть у него всё для того, чтобы победить в этом туре. Утром, перед уходом на работу, мама особенно тщательно перекрестила сына-спортсмена со словами «Господи, сохрани». Ваня спорить не стал, но он был убеждён, что если он победит, *не это* ему поможет, а сила удара и сноровка, приобретённая на изнурительных тренировках, пропитанных ядом ненависти к Лёхе.

Выйдя на ринг, «подающий надежды юниор», как представил его тренер, почувствовал нечто вроде лёгкого головокружения. Он был центром происходящего: все лампы и десятки возбужденных глаз были направлены на него. От *него* зависело, будут ли присутствующие здесь радоваться или огорчаться, заводиться или скучать. Это чувство было ново и очень приятно. Ваня окинул зал взглядом – жаль, что здесь не было Лёхи. Пусть бы посмотрел на него, стоящего в центре ринга!

Удар гонга, и бой начался. Ваня помнил всё, чему научил его Иван Сергеевич: он молниеносно менял позиции, ловко изворачивался и редко позволял противнику достать его

перчаткой. Удар, ещё удар. Зал зашумел, как морской прибой.

– Ванька, дай ему, дай!

– Эй, белый, так ему, так!

– Рыжий, не спи, замёрзнешь!

Взревевший зал подействовал на Ваню, как красная тряпка на быка. Он атаковал противника и наносил ему удар за ударом, пока их не растащили в разные стороны.

Это была его первая и безоговорочная победа.

– Молодец, тёзка, так держать, – Иван Сергеевич, не скрывая улыбки, похлопал воспитанника по плечу. Тренер был определённо доволен.

Ваня улыбался. Вкус победы был сладок, хотя и немного солоноват от привкуса пота, струйками стекавшего со лба, но это было так по-мужски! Это был вкус боя, принёсшего ему победу.

Когда победитель сошел с ринга, его окружила целая толпа ребят.

– Ну, Ванька, ты и бобёр!

– Ты просто танк!

– Вот это так надолбил ты ему!

Ваня устало постукивал перчаткой по плечам окружающих его ребят. Он был счастлив. Сегодня он доказал всем, а главное, самому себе, что он стал сильным.

На второй бой Ваня шёл уверенной походкой, хотя на этот раз его противник был намного сильнее предыдущего. Иван Сергеевич давал короткие последние инструкции, Ваня легко пружинил, разогревая мышцы. Он чувствовал себя молодым львом, уже увидевшим свою жертву и готовящимся к прыжку.

Удар гонга ударил не по барабанным перепонкам, а по нервам. Ваня подскочил, как пружина, чтобы сразу без подготовки нанести первый удар, но его противник, парень с бритой головой, чуть повыше его ростом, казалось, ждал этого удара и отскочил в сторону. Легко пружиня, Ваня и бритоголовый парень какое-то время присматривались друг к другу, пытаясь найти слабое место своего противника.

– Ваня, заходи слева, – услышал он голос Ивана Сергеевича.

– Серый, дай этому белому псу, – крикнул кто-то из зала, и Ваня тут же пропустил удар. Ободрённый противник пошёл в атаку и нанёс Ване ещё несколько ударов. Зал взревел одобрительными выкриками:

– Серый! Серый!

Кто-то засвистел, перекрывая свистом крики в поддержку Жукова.

– Жучка, ты что, заснул?

– Белый, давай!

Ваня чувствовал, как злость начинает закипать у него в сердце. Забыв всё, чему учил его Иван Сергеевич, он накинулся на бритоголового парня, нанося ему пустые удары. Они сцепились в замок, но звук гонга заставил их разойтись по своим углам. Этот раунд Ваня проиграл.

– Тёзка, соберись... Всё хорошо... Это ещё только начало, – Иван Сергеевич перечислял все Ванины ошибки. Спокойный голос тренера возвращал ему уверенность в себе.

И снова гонг! Ваня был спокоен. Иван Сергеевич помог ему понять бритоголового противника – теперь он весь был, как на ладони. Удар, ещё удар – Ваня больше не слышал, о чём ревел зал, он видел только бритоголовую цель, стараясь предугадать каждое её движение. Пропущенный удар заставил его сконцентрироваться ещё больше.

«Раз, два, есть! Раз, два, раз-два-три, ещё разок, – считал он про себя, чувствуя, как приобретённое им спокойствие заставляет нервничать его противника. – Удар! Ещё удар! Раз-два, раз-два-три».

Удар гонга вернул Ваню в реальность ревущего и свистящего зала. Иван Сергеевич одобрительно похлопал его по плечу. Ваня видел, что улыбка так и хотела выпрыгнуть из-под чёрных усов тренера, но он всячески сдерживал её. Так же чётко и спокойно, как после первого раунда, он сказал:

– Не расслабляйся. Не сбавляй темпа. Хорошо обошёл его

слева.

Что-то мелькнуло в противоположном углу противника. Сначала Ване показалось, что это ему померещилось, но нет, ошибки быть не могло. Это был Лёха.

«Явился – не запылится», – подумал Ваня, но удар гонга отвлёк его от этих мыслей.

Третий раунд был решающим. От него зависело, *кто* станет победителем. Ваня не столько увидел, сколько почувствовал, что в лице его противника, особенно в его взгляде, что-то изменилось, но времени на размышления не было. Стараясь не сбавлять темп, набранный в предыдущем раунде, Ваня пошёл в атаку. Удар, ещё удар, – противник явно не выдерживал напора сыплющихся на него ударов, или чего-то ждал. Стоило Ване на мгновение открыть лицо, как сокрушительный удар заставил его покачнуться. За вспышкой света последовала резкая боль, и тёплая струйка потекла по лицу. У него была рассечена бровь. Появился человек в белом. Наклонившись над юным боксёром, он что-то прикладывал к рассеченной брови, внимательно разглядывал лицо пострадавшего, потом сделал знак судье – и Ваню сняли с боя. Серый с довольным видом помахал перчаткой в ту сторону, где перед последним раундом стоял Лёха, и тут Ваня все понял.

– Иван Сергеевич, у него в перчатке был кастет, – с трудом сдерживая слёзы, говорил он. – Там был кастет, это не по правилам... Там был кастет...

Тренер был в растерянности – такой поворот событий был маловероятен.

Когда Ваня зашёл в подъезд своего дома, на стене он увидел свежую надпись: «Я долго в должниках не хожу».

Это был не просто удар в бровь. Это был удар по всему, во что Ваня ещё верил. Ни сильные кулаки, ни сноровка, приобретённая в результате затраченных собственных усилий, не спасли его от подлости. Даже тренер не смог защитить его. Подлость оказалась сильнее. Ей по силам было всё. Что же делать? Стать подлым самому? Нет, Ваню тошнило от одной этой мысли. Если бы можно было кому-то рассказать о том, *что* с ним произошло! Раньше он всегда советовался с мамой, но теперь это невозможно: у них разные цели. Друзей настоящих у него нет, да и разве смог бы такой же простой парень, как и он, что-нибудь ему посоветовать?

«Вот если бы мальчик-волшебник был настоящим! – думал Ваня. – Уж кто-кто, а он бы точно помог!»

Ваня вспомнил, как мама однажды рассказывала ему забавный случай из жизни святителя Нектария Эгинского. Ещё мальчиком будущий святитель уехал от своих бедных родителей в Константинополь в надежде получить образование. С большим трудом ему удалось устроиться на табачную фабрику своих родственников. Жалование ему платили маленькое, ходил он вечно в обносках, в плохой обуви и всегда был голодным.

Однажды, отчаявшись, он решил отправить письмо Иисусу Христу на небеса и сочинил такой текст: «Христе, Боже

мой, помоги мне, пожалуйста». Это письмо вызвался отправить один торговец, живущий с ним по соседству. Но, увидев, странный адрес, решил его вскрыть. Тронутый содержанием письма, торговец положил крупную денежную сумму в конверт и отослал юноше.

Хоть всё это было просто случайностью, но для мальчика это было настоящее чудо. А Гарри Поттер, он же настоящий волшебник! Он тоже может устроить вот такое простое чудо для Вани!

Ваня взял бумагу и старательно написал:

«Дорогой Гарри! Ты был несчастным слабым мальчиком, но тебе покорился весь мир. Дети во всех странах хотят быть похожими на тебя. Я сэкономил на завтраках, чтобы купить книгу о тебе. Сейчас мне очень плохо. Пожалуйста, помоги мне».

Ваня ещё раз прочитал написанное и аккуратно сложил лист. Завтра он купит конверт, напишет адрес: *«Великобритания. Гарри Поттеру»*, опустит письмо в ящик и будет ждать чуда.

– Сынок, иди ужинать, – голос мамы раздался прямо у него за спиной.

Ваня так увлёкся письмом, что даже не услышал, как она вошла в комнату. Это было так некстати! Резко сунув своё письмо под книжку, мечтатель быстро пошёл на кухню в надежде, что мама сделает то же самое. Но мама медлила. Ваня не выдержал и почти побежал к двери своей комнаты. Мама

стояла у окна, а на столе лежал развернутый лист его письма.

– Ты решил поступить, как мальчик Анастасий, будущий святитель Нектарий Эгинский? – тихо спросила мама. – Но неужели ты не понимаешь, что адреса у вас разные? Он писал на небеса, а ты в преисподнюю.

Ваня молчал, опустив голову, чтобы не видеть мамино лицо.

– Кто этот твой Гарри? Какой он волшебник? Почему ты никогда не задал себе этого вопроса?

Так как все мамины вопросы остались без ответа, она продолжала:

– Он же потомственный колдун, просто ведьмак, и действует он при помощи сил зла. Он не делает мир лучше. Он мстит за себя, он самоутверждается, он превозносится над другими, и если он и борется с чем-то, то только для того, чтобы с помощью одних сил зла стать сильнее другого зла, которое в данный момент борется с ним.

Ваня продолжал молчать.

– Вот ты сам мне скажи, – мама открыла книгу и пробежала глазами открывшуюся страницу. – Вот: «...он умер от желания овладеть искусством заставить жабу облететь класс». Зачем ему это было нужно? Скажи мне, хоть одному человеку в мире стало бы от этого лучше? Нет? Так почему же он так этого хотел? А я скажу тебе: чтобы суметь сделать то, чего не могут делать другие, чтобы стать сильнее других и получить над ними власть! А это гордыня – грех

сатаны, смертный грех, если ты ещё этого не забыл.

– А ты, христианка, – взорвался Ваня. – Чем ты, такая правильная, лучше этого во всём плохого колдуна? Ты прочитала чужое письмо. А это *тоже* грех, если ты ещё этого не забыла! – Сын продолжал своё наступление на маму. – Этот мальчик – ведьмак? Ну, и что? Зато он наказывает тех, кто его обижает, и правильно делает! Правильно! Я завидую ему! Ты поняла? Я ему за-ви-ду-ю! – Ваня сделал акцент на каждом слоге последнего слова, чтобы показать маме, что им больше не о чем говорить.

Мама всё поняла и быстрыми шагами вышла из комнаты. В этот вечер Ваня остался без ужина.

10

Паша Сидоров был полной противоположностью Ване Жукову. Ваня был спокойный, сдержанный и немногословный. Его глубокие серые глаза часто были задумчивы. Даже когда он с остервенением бил боксёрскую грушу, на вид он продолжал оставаться спокойным и сконцентрированным. Нужно было быть Иваном Сергеевичем, чтобы заметить, что отношение ученика к объекту удара было слишком уж эмоциональным.

Паша Сидоров, напротив, совершенно был не способен на чем-то сконцентрироваться. Это свойство его характера отражалось и на его внешности: непокорная чёлка торчала, куда хотела, как он её ни приглаживал, две черные вишни искрящихся глаз, как два мышонка-непоседы перебежали с места на место в поисках приключений, успокаиваясь только тогда, когда нужно было спать. Он много жестикулировал руками, не мог долго стоять или сидеть на одном месте, неожиданно вскакивал, за что его дневник, как клумба, пестрел разноцветными замечаниями. И на бокс он согласился пойти «для разрядки», как говорил его папа, приложивший немало усилий для того, чтобы найти сыну занятие по душе.

В последнее время Ваня и Паша частенько ходили вместе домой после тренировок. Жили они по соседству, учились в одной школе, поэтому и общих тем для разговоров было

у них предостаточно.

– Вань, а у тебя есть враг? – неожиданно спросил неугомонный Паша, которого все, включая родителей, называли просто Пашкой.

– Есть, а что?

– И у меня есть. Вот я думаю, что врага иметь – круто. А ты?

– Не знаю, лучше бы его не было.

– Правда, что ли? А на бокс ты чего пошёл? Не для того, чтобы врагу фонарей навешать?

– Вообще-то, да.

– Ну вот, а говоришь «лучше бы не было». Враг – это хорошо. Враг – это стимул, как говорит мой папа. А ты знаешь, что такое стимул?

– Ну, что?

– Благодаря стимулу ты делаешь то, чего без него не делал бы. Понял? Ты книжку «Гарри Поттер» читал?

– Читал, – оживился Ваня.

– А разве стал бы он волшебником, если бы его не обижали? Нет, не стал бы. Рос бы вот таким же пай-мальчиком, как и ты.

– Ну, ты, выражения выбирай, – вспыхнул Ваня.

– Ну, ну, разнукался! Я тому говорю!

– Говоришь, так говори, только без личностей.

– Да, ладно тебе, мямля! Слышишь, а тебе хотелось бы учиться в школе волшебников?

– Спрашиваешь!

– Вот было бы зашибенно! – Глаза Пашки просто заискрились от восторга. – Представляешь, что бы было, если бы наш Олег Петрович, пень лысый, вышел на линейке и сказал, как директор школы волшебников: «Олух! Пузырь! Остаток! Уловка! Всем, всем спасибо».

Ваня звонко рассмеялся, а Пашка просто покатывался от смеха.

– Слышь, а наша Татьяна Ивановна, замдир-бомбардир, точно после этого получила бы удар, и её на скорой увезли бы под ржач всей школы.

– Это уж точно, – согласился Ваня.

– А вашей истеричке *стало бы дурно*, – подражая манере разговора Ваниной классной, учительнице истории, нараспев протянул Пашка.

Ваня уже держался за живот.

– А наша правильная Мариша побежала бы психушку вызывать для Олега Петровича: «Алё! Вы слышите? Приезжайте немедленно. У нас директор школы на линейке с ума сошёл... Как сошёл? Да просто котелок съехал...»

– Ой, Пашка, прекрати, я сейчас тресну от смеха, – простонал Ваня, не переставая смеяться, но выдумщик и не думал прекращать.

Олег Петрович, в качестве директора школы волшебников, то караулил учеников под лестницей, превратившись в кота, то в сопровождении призрака появлялся на педсо-

вете, то посылал своего друга, чёрного тролля, «похожего на серый валун с запахом дерьма», встречать инспектора у входа в школу.

Никогда в жизни Ваня не смеялся так, как в тот вечер. В конце концов они действительно покатались от смеха на снег. Ваня запихивал Пашке снег в рот, чтобы тот перестал, а неугомонный Пашка отбивался. Они докрасна натёрли друг другу щёки и разошлись по домам друзьями.

Придя домой, Ваня поужинал, сухо ответил на мамины вопросы, почистил зубы и, выключив свет, юркнул в свою постель. Там под одеялом с фонариком он мог читать то, чего не должна была видеть мама. А ему очень захотелось ещё раз перечитать его пока единственную книгу о мальчишке-волшебнике. Ване хотелось найти несколько сюжетов для их с Пашкой историй о своей школе.

Читая книгу во второй раз, Ваня почувствовал, что некоторые моменты вызывают у него, скорее, смущение, чем восхищение. Взять хотя бы историю магии, о которой говорилось, что это были рассказы о древних, выживших из ума волшебниках. Получается, великие маги, умевшие разливать по флаконам известность, варить триумф и затыкать пробкой смерть, почему-то превращались в старых маразматиков, попросту придурков?

Ваня чувствовал, что в нём произошло разделение на нестыкующиеся половинки: одна соглашалась с мамой, а другая бунтовала и восставала против неё. Бунтующая половина не хотела слушать никаких доводов разума, она просто хотела делать всё, что заблагорассудится, как в школе волшебников. Там правила существовали только для того, чтобы их нарушали. И это было здорово! Это было прикольно!

Все дети читали книги о чудесном мальчике-очкарике, покупали тетрадки с его фото, играли в компьютерные игры, где можно было самому стать участником всех этих захватывающих приключений. У Вани же компьютера не было, зато у Пашки он есть, а они теперь – друзья! По вечерам, вместо того, чтобы спать, Ваня часами мечтал о том, как он, Ваня Жуков, с Пашкиной помощью скоро войдёт в мир маленьких волшебников, куда так напрасно не пускала его мама. Он войдёт в этот новый мир и станет его полноправным членом. Спокойной ночи, новый друг, ещё увидимся!

Был сумрачный субботний вечер. Мама ушла на вечернюю службу, вечер был свободен. Пашка уже ждал. Ваня шёл, не спеша, хотя внутри у него всё рвалось навстречу его мечте. Силой воли он заставлял себя замедлить самоускоряющийся шаг. Почему? Объяснить он этого не мог. Это было внутри него, какой-то внутренний тормоз. Чтобы отвлечься, Ваня старался думать о Пашке, о его папе, с которым ему предстояло познакомиться.

– Слушаю, – на звонок домофона ответил приятный мужской голос.

– Это Ваня, я пришёл к Паше.

– Заходите, открываю.

Щёлкнул замок входной двери, и долгожданный мир любимой книги оказался ещё на шаг ближе. Ваня подошёл к лифту, нажал кнопку вызова, лифт загромыхал ему навстречу. Он почувствовал, как серая реальность мира маглов стала растворяться и исчезать в волшебном свете приближающегося «экспресса». Дверь открылась, и, хоть вагон оказался довольно маленьким, и в нём не было никого из бесстрашных героев, Ваня знал: все они ждут его наверху, в квартире 145.

Пашка встретил Ваню сиянием только что выдраенного котла. Его папа стоял рядом и с любопытством разглядывал

нового друга своего неугомонного сына.

– Давай, раздевай гостя, – сказал всё тот же приятный баритон, который Ваня уже слышал по домофону.

Пашкин папа был высокий подтянутый мужчина. Приятная улыбка скрашивала его обыкновенное мужское лицо. Ваня тут же подметил, что глаза у папы были такие же озорные, как и у Пашки, но Пашка *при папе* был полной противоположностью Пашке *без папы*.

– Конечно, папочка. – Этот ягнёнок был ещё примернее Лёхиных специалистов в кабинете директора. – Познакомься, это мой папа, – последнее слово сын произнес как-то особенно глубоко.

– Александр Иванович, – по-мужски протянув руку, представился папа, – но можно просто дядя Саша. А я, если позволите, буду обращаться к вам на «ты».

– Конечно, конечно, – смущённо пробормотал Ваня.

– Ванька, проходи, – Пашка указал на дверь, ведущую в его комнату.

– Может, чайку? – не переставая улыбаться, спросил папа.

– Нет, нет, спасибо, я перед выходом из дома пил чай.

– Не буду вам мешать. А в какую игру вы собираетесь играть?

– «Гарри Поттер и философский камень», – отчеканил Пашка.

«Вот тебе и Пашка! А ещё меня обзывал пай-мальчиком, – подумал Ваня. – Ну, я ему это припомню».

– Интересная игра? – спросил папа, чем привел гостя в ещё большее недоумение.

Пашкин папа не знал, во что играет его сын! Как это было не похоже на Ванину маму. Она всегда участвовала прямо или косвенно во всех его играх. Объясняла, растолковывала то, что было не понятно, придумывала какие-то неожиданные повороты.

«Эх, мама, мама! Если бы можно было *с тобой* поиграть в эту игру!» – вздохнул Ваня и вошёл в Пашкину комнату.

Комната была просторная и светлая. У двери под стеной стояла кровать с прикроватной тумбочкой, на которой дружно сидели мягкие игрушки, справа – книжный шкаф, слева – стеллаж, заставленный книгами и игрушками, в углу на стене – телевизор, а прямо перед окном – письменный стол с лампой-цаплей и компьютером. Перед столом стояли два стула, а на столе лежали два пакета чипсов.

– Ты будешь с беконом или с сыром? – спросил Пашка, наклонившись над столом, включая компьютер.

Ваня так давно, в первый и последний раз, как сказала мама, ел чипсы, что ему было совершенно всё равно. Мама несколько раз подробно объясняла ему, что чипсы есть вредно, потому что содержание канцерогена в них в пятьсот раз больше, чем в жареной картошке. А канцерогены – это такие вещества, которые не выводятся из организма и, накапливаясь, могут способствовать развитию рака.

– А давай, кто какие выберет. Тебе в какой руке? – Ваня

спрятал чипсы у себя за спиной.

– Мне? – протянул Пашка, закрыв глаза от удовольствия. Он просто обожал, когда простые вещи приобретали неожиданный оборот. – А ты мухлевать не будешь? А-а? Я скажу «в правой», а ты поменяешь пакеты местами.

– Да ладно тебе! Нужно мне очень. – Ваня ответил с наигранным равнодушием, хотя ему тоже интересно было посмотреть, какой расклад может получиться из двух простых пакетов с чипсами.

– Нетушки! Ты положи чипсы на стол, отвернись, я их тут местами поменяю, ты возьмешь их с закрытыми глазами и спрячешь у себя за спиной. Тогда я уж точно буду знать, что ты не смухлевал.

– Хитренький, – не скрывая удовольствия, возмутился Ваня. – Ты же тогда будешь знать, в какой руке у меня те чипсы, какие *ты* хочешь? Не выйдет. Давай начнём по-твоему, а потом я у себя за спиной ещё пачки несколько раз перета-сую.

– Уболтал, давай!

Ваня закрыл глаза, и Пашка дал ему в руки по пачке. Потом Пашка сел на стул, почесал голову и изрёк голосом экстрасенса-ясновидца: «в правой». Только Ваня, вопреки уговору, стоял, не шелохнувшись, продолжая держать руки за спиной.

– Эй, мы же договорились! – взревел Пашка.

– Не могу, – с невозмутимым видом ответил Ваня. –

Не получается. Руки не двигаются. Видимо, нужно произнести какое-то волшебное слово.

– Какое? Пожалуйста, что ли? – скривился Пашка.

– Не знаю, попробуй.

Пашка скривился, но все-таки сказал:

– Пожалуйста, отдай мне чипсы, которые у тебя в правой руке.

– Не работает, – ответил Ваня.

– Не работает? – оживился Пашка. – Ну, тогда Крибле-Крабле-Бумц!

– Ошибка в пароле, попробуйте ещё раз, – голосом робота произнёс Ваня.

– Сим-сим, открой!

– Ошибка в пароле, попробуйте ещё раз.

– Ну, какое же волшебное слово тебе нужно? Дуримар! Буратино! Чук и Гек! Ладно, сдаюсь.

– Гарри Поттер! – бездушным голосом робота ответил Ваня и протянул вперёд правую руку с чипсами.

– Здорово! И как это я, дурак, не додумался?

Пашка весело разорвал пачку. Ваня сделал то же самое и отправил в рот первую порцию хрустящих пластинок. Какими же вкусными они ему показались!

«Эх, мама, мама», – подумал он про себя и тут же услышал в ответ внутренних голос: «Запретный плод сладок».

Этот голос всё повторял и повторял свои три слова, но Ваня не хотел к нему прислушиваться. Он набрал полную при-

горшню чипсов и разом отправил их в рот. На этот раз мощному звуку хрустящих под зубами чипсов удалось заглушить настойчивый голос души, и он затих.

Пока они разыгрывали чипсы, на экране компьютера открылась игра. Ваня повернул голову и чуть не ахнул – экран превратился в огромный холл старинного замка! Кирпичные стены, освещённые горящими факелами, огромные ступени, покрытые роскошной ковровой дорожкой – всё, как в натуре. В раскрытую дверь с шумом вбежала группа мальчишек и направилась к лестнице.

Ваня почувствовал, как его сердце вбежало в раскрытую дверь и присоединилось к мальчику в очках, которого он сразу же узнал. Мальчик бежал вверх по ступенькам, и Ванино сердце бежало вслед за ним. На втором этаже их встретили два брата-инструктора. Они сказали, что в школе волшебников можно найти все виды злых удовольствий, но Гарри-Ване нужно, как начинающему, многому научиться, и для начала насобирать бобов, которые тут же появились в поле зрения.

Всё произошло так быстро, что Ваня растерялся. Он нечаянно подвинул мышку, и зал стал поворачиваться. Тогда он попробовал вернуть мышку на место, и все предметы стали видны крупным планом. Снова отодвинул мышку – и всё отодвинулось. Ощущение было такое, как если бы у Вани в руках была камера! Ваня в восхищении водил мышкой, но тут над его ухом раздался нетерпеливый голос:

– Не крутись, как пришлѣпнутый. Бобы собирай!

Ах да! Ваня уже успел забыть о бобах, а они, разноцветные, казалось, пританцовывали от нетерпения. Он нажал на стрелку «вверх» – и мальчик в очках побежал, но очень скоро наткнулся на стенку, и игроку пришлось попотеть, чтобы неуклюжими движениями повернуть своего героя в нужном направлении. Зато Пашка залился своим неподражаемым смехом:

– Сейчас ты ему точно лоб разобьѐшь! Бедный Гарри! Монстр Ванька тебя совсем не жалеет!

Но «бедный Гарри» уже бежал и сбивал танцующие бобы. В правом углу экрана появился счетчик собранных бобов. Корзинка пополнялась всё новыми и новыми бобами. Ваня почувствовал, как за его спиной затрепетали крылья. Он не бежал, а летел на этих крыльях рядом с мальчиком в очках и вскоре оказался в другой комнате, где ему предстояло попрыгать.

Ваня увидел, что они стоят на чем-то вроде балкона, а внизу под ними – библиотека, заставленная шкафами с книгами. Новые волшебные бобы, такие же танцующие, как и в предыдущей комнате, разместились на шкафах, и мальчику в очках предстояло прыгать со шкафа на шкаф, чтобы насобирать их. Ваня нажимал на все четыре стрелки, и маленький очкарик носился между шкафами в поисках выхода.

– Ой, я сейчас умру, – простонал довольный Пашка. – Из-за этого супер-игрока Ваньки у бедного очкарика поеха-

ла крыша. Жалко, что никто не видит! Ванька хочет, чтобы мальчик прошёл сквозь шкаф! Эй ты, фокусник, крути назад! Иди назад к ступенькам и возвращайся в исходную позицию.

Пашка уже съел свою пачку чипсов и доедал вторую, но Ване было не до этого. Он летел вверх по ступенькам и опять оказался в компании двух братьев, которые предложили ему насобирать бобов для каких-то там «гм-экспериментов».

На этот раз его герой брал шкаф за шкафом. Бобы были со всех сторон, и их количество в корзине тоже быстро увеличивалось.

– Жучка пошёл в атаку, как горный орёл! – Голосом спортивного комментатора прокричал Пашка. – Бобы, не выдерживая напора, лопаются, как мыльные пузыри, и прибавляют победителю всё новые и новые очки!

Не успел Ваня и дух перевести, как получил новое задание: насобирать двадцать пять шоколадных лягушек, которые увеличат его магическую силу.

«Съесть двадцать пять лягушек? А не стошнит?» – подумал он, но времени для рассуждений не было: большая коричневая жаба, подпрыгивая от нетерпения, ждала своего часа, и Ваня очень скоро справился с шоколадными лягушками.

Неожиданно появились инструкторы и наградили успешного игрока волшебной картой.

Теперь Ване предстояло найти секретную дверь и через неё попасть в класс на первый в жизни урок в школе чародейства и волшебства.

Он стал вертеть мальчиком в очках на все стороны, но ему не удавалось увидеть хоть какую-нибудь дверь. Он выбежал в коридор. Там была большая дверь, которую он уже много раз безрезультатно пытался открыть. Попробовал ещё раз – дверь даже не шевельнулась.

– Да, это тебе не лягушек жрать и бобы лопать! – Пашкиной радости не было предела. – Там, где пожрать, ты силён, а вот секретную дверь найти – ума-то у тебя и не хватает!

Пашка доел уже все чипсы и теперь налегал на орешки, которые принёс из кухни, пока Ваня занимался бобами и лягушками.

– На, съешь орешек, может, ум и появится, – съязвил он.

Ваня ничего не сказал, но пару орешков взял. Он вернулся в большой зал – и увидел дверь, которая оказалась над пьедесталом, где раньше сидела лягушка. Теперь он понял: эту лягушку нужно было лопать последней. Маленький очкарик быстро взобрался на каждую из ступенек и вошёл в дверь.

Теперь он оказался в очень большом классе с рядом лавок, на которые уже садились другие дети, появившиеся неизвестно откуда. Это был кабинет защиты против тёмного искусства. Заикающийся профессор был уже на месте, а детям предстояло научиться заклинанию, которое нужно было изобразить волшебной палочкой. Ваня провёл мышкой,

повторив контур знака заклинания, появившегося на невидимой доске, но волшебная палочка ярко красной краской обвела кривую, корявую, разорванную в некоторых местах линию.

– Shit! – оценил результат профессор.

«Да, могу себе только представить, какой скандал устроил бы Лёхин «красноротый шкаф», если бы Олег Петрович сказал на уроке её сынку: «Какое же дерьмо ты изобразил здесь, Алёша!» – подумал Ваня.

– Чему ты улыбаешься, горе-волшебник? – возмутился Пашка. – С такими успехами я бы на твоём месте плакал.

С пятой попытки Ване удалось-таки нарисовать 55% этого злосчастного знака и на табло появилось сообщение, что Ваня-Гарри заработал 5 очков.

– 5 очков! – завопил Пашка. – Вот это мастер! Вот это находка для школы! Лучше бы тебя ещё в детстве потеряли!

– Ид-дите и п-по-проб-буйте сдвинуть т-ту б-бочку! – приказал, сильно заикаясь, профессор, который в борьбе против тёмных сил, видимо, немало страху натерпелся.

Ваня подвёл своего героя к бочке, нажал на левую кнопку мыши, и волшебная палочка сработала: бочка сдвинулась с места и покатила вниз, освобождая часть прохода, но спустя какое-то время остановилась, как вкопанная. Теперь, на что только Ваня ни жал, всё оставалось без изменений.

– Пашка, помоги, – взмолился Ваня. – Скажи, что делать?

– Начинать всё с начала, – невозмутимо произнёс Пашка.

– Что, с самого начала? – Ваня не поверил собственным ушам.

– А ты как думал? Дурная голова ногам покою не даёт.

Пашка отодвинул друга и запустил игру заново. На этот раз Ваня очень быстро оказался в классе, но его уже тошнило от бобов. За рисование знака заклинания на этот раз он получил 15 баллов, но бочка по-прежнему стояла, не двигаясь с места, как вкопанная.

– Пашка, помоги, будь человеком! Не могу же я без конца топтаться вокруг этой бочки!

Пашка загадочно улыбнулся и произнес:

– Волшебное слово!

– Да здравствует волшебство! – тут же среагировал Ваня.

– Ошибка в пароле, – голосом робота ответил Пашка. – Попробуйте ещё раз.

– Да здравствует дружба! – продолжал Ваня, но Пашка был также неумолим, как и профессор-зануда.

– Ладно, сдаюсь, – сказал он, так как ему не терпелось узнать, что же нужно сделать, чтобы эта бочка покатила куда-то вниз и разбилась вдребезги.

– Пора домой, – торжественно объявил Пашка.

– Почему? – Охваченный азартом игрок ожидал какой угодно ответ, но только не этот.

– Потому что кончается на «у», не знаешь, что ли? Ты на часы посмотри, горе-волшебник. Я обещал папе, что мы

поиграем до девяти, а уже 9:10. The lesson is over, – Пашка не упустил возможности блеснуть познаниями в английском. – See you soon, – продолжил он в том же духе.

Ваня сник, как увядший цветок.

– Не грусти, Жучка, – шутник, наконец, утешил друга. – Продолжим в следующий раз. Ты к этому времени мозги хорошенько промой. Папа говорит, что промывание мозгов солёной водой очень помогает от идиотизма. Знаешь как? В одну ноздрю вливаешь, а из другой выливается. Рекомендую. Сам пробовал – очень помогает.

– Тебе лишь бы издеваться, – обиженно пробормотал Ваня.

– Да, ладно тебе! Чего ты такой обиженный? Скажи мне, кто тебя обидел, я ему моргалы выколю!

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул папа.

– Как у вас тут весело! Что, такая весёлая игра?

– Да, – тут же нашёлся Пашка, – Ванька так упарился у бочки, что чуть сопли не распустил. Вот и пришлось мне ему дух поднимать.

Папа многозначительно поднял указательный палец:

– Правильно! Что главное в войне? Сила духа. Воин без духа – всё равно, что бык без рогов!

Такое неожиданное сравнение подняло дух всем присутствующим, и двое мальчишек и один папа залились смехом, каждый по-своему. Папин баритончик издавал увесистые «ха-ха», Ванин тенорок рассыпал «ха-ха-ха», как горох

по столу, но Пашкин неподражаемый смех был так заразителен, что теперь уже и папа, и Ваня смеялись над Пашкиным смехом, а Пашка смеялся просто от удовольствия.

Когда Ваня уходил, Александр Иванович пригласил его приходить почаще. Папа видел в этом двойную выгоду: и сын под присмотром, и самому Пашке – развлечение.

Ваня сел в лифт, нажал кнопку с цифрой один и, улыбувшись, сказал вслух: «До встречи, мир волшебства. Скоро увидимся».

Но скорой встречи не получилось. Пашка не пришёл на следующую тренировку. Иван Сергеевич спрашивал, кто знает, что с Сидоровым, но никто не знал. После тренировки Ваня набрал номер телефона, который уже знал наизусть. Пашка ответил так быстро, как если бы стоял у телефона. Не успел Ваня договорить свой «привет», как Пашка перебил его и полушёпотом сказал: «Завтра в школе», – и положил трубку.

Наступило завтра. Ваня, можно сказать, отсутствовал на первом уроке, хотя и сидел за партой. Все его мысли были о друге:

«Что такое могло произойти? Пашка, явно, боялся, что его услышит папа. Значит, он что-то натворил, но что? А, может, он тоже сцепился с Лёхой?»

Ваня просто изнемогал от нетерпения в ожидании конца урока, и, как назло, его вызвали ответить на вопрос, который он, конечно же, не слышал. Учительница спросила, о чём он всё время думает, и Ване, чтобы не получить двойку, пришлось соврать, что у него болит голова. Соврал он натурально, и учительница послала его к медсестре. Собрав вещи, так как до конца урока оставалось минут десять, он вышел из класса.

Ни к какой медсестре идти он не собирался, так как от его

«головной боли» таблеток не существовало. Недолго думая, он сразу пошёл к расписанию посмотреть, в каком кабинете находится Пашка, чтобы встретить его у дверей, но, поднимаясь по лестнице, столкнулся с Алёной. Их глаза встретились, но гордячка не ответила на робкое «здравствуй». Она демонстративно отвернула голову, тряхнув роскошным хвостом и, как белый парусник, проплыла мимо.

«Теперь самое время звать на помощь медсестру», – подумал Ваня и представил, как теряет сознание, падая на ступеньки.

– Зовите скорее медсестру! – Над ним одновременно склоняется несколько голов.

– Мы теряем его! – Слышится растерянный голос медсестры. – Скорее вызывайте скорую помощь!

– Это я во всем виновата! – Раздаётся голос плачущей Алёны. – Зачем я была с ним так жестока? – Белокурая красавица склоняет над ним заплаканное лицо и умоляет: «Ванечка, милый Ванечка, прости меня! Ты только не уходи, только не покидай меня! Я этого не перенесу!»

Но тут раздаётся звонок и размечтавшемуся Ромео приходится вернуться к расписанию, так как встречать Пашку у двери класса уже поздно.

Но, как ни странно, встретились они именно у расписания.

– Пашка, привет! Что у тебя там произошло?

– Не ори, и так тошно, – полушёпотом перебил его друг. –

Идём отсюда.

Они отошли к окну, и Пашка рассказал, что наказан за драку с Ирккой-занудой из их класса. Ирка размахнулась ногой, а Пашка схватил её за ногу и дёрнул. Ирка упала, и он, в отместку, пнул её.

– И что теперь? – нетерпеливо перебил Ваня.

– Что, что? Вызвали папу, устроили скандал. Дома папа мне всыпал по первое число, сказал, что только дерьмо, а не мужик может поднять на женщину руку, а для тех, кто поднимает ногу, даже названия нет. Потом он забрал все диски и запретил ходить на тренировки. Вот такие-то дела, – с тяжёлым вздохом закончил Пашка.

– Ну, ты даёшь! – Ваня сразу помрачнел.

Они грустно посмотрели друг на друга, и пошли каждый в свою сторону.

У горе-Ромео и так на душе было нехорошо, а теперь стало ещё хуже.

«Всё против меня, – думал он. – Просто какая-то стена! Бочке теперь придётся лежать в проходе волшебной школы так и не сдвинутой, и с танцующими звёздами придётся подождать, если только Пашкин папа вообще не выбросил игру, в которую мы так весело играли. Да, вот она жизнь!»

Мама где-то задержалась после работы. Хотя в последнее время отношения у них не складывались, Ваня начал волноваться. Прошёл час, другой, а мамы всё не было. Бунтарь тут же вспомнил о средстве, к которому прибегала мама, когда что-то случалось. Он подошёл к иконам и стал просить Ангела Хранителя своей мамы, чтобы тот поскорее привел её домой. Время шло, а мамы по-прежнему не было. Ваня больше не мог оставаться дома в неведении и вышел на улицу.

Уже стемнело, но на лавочке у подъезда ещё сидели две «дежурные» старушки.

– Вань, чаво это ты так поздно гулять собралси? – спросила одна из них.

– Да я так, ненадолго, – буркнул он в ответ.

– А мама дома? – Не унималась старушка, которую за глаза все звали «хочу всё знать».

– Нет ещё, – процедил сквозь зубы Ваня, а сам подумал: «Какое ваше дело?»

Старушка, получив тему для разговора, тут же оживилась.

– Вот тябе, Клава. Нарожают дятей, а потом шляются по ночам, судьбу ищут. А эти вон, как собаки, бегают по дворам в поисках приключений. Покою от них ни днём, ни ночью нет!

Ваня хотел ответить бабушкам по существу, но в последний момент решил промолчать – и без них тошно. Их задень, так потом не остановишь – сам не рад будешь.

Ваня прошёл два квартала и пошёл обратно. Когда он подходил к остановке, то увидел маму, выходящую из автобуса.

«Слава Богу!» – вырвалось у него, и на сердце сразу стало легче.

Он подошёл сзади и дёрнул за мамину сумку.

– Ой, – вскрикнула мама и резко обернулась. – Это ты, Ваня? Напугал до смерти, – сказала она и выдохнула от облегчения.

– Прости, мама, я хотел пошутить.

– Ну, и шуточки у тебя. Так человека и зайкой сделать можно.

Ваня вспомнил заикающегося профессора, которого тоже, видимо, напугала какая-нибудь злая сила.

– А ты что, гуляешь так поздно? – Мама прервала ход Ваниных мыслей.

– Да нет, просто вышел тебя встречать. Где ты была так долго?

– А ты что, волновался? – Ваня заметил в голосе мамы нотку иронии и промолчал. – Я сегодня отдала последнюю часть долга маме твоего крутого Лёхи.

Ване стало не по себе. Он и забыл уже о том, что красно-ротая тётя поставила его маму «на счётчик».

«Бедная мама!» – подумал Ваня, и ему так захотелось об-

нять её!

Но тут они подошли к подъезду, мама стала доставать ключи – момент был упущен.

– Тут баба Люся интересовалась, дома ли ты, – сказал он, чтобы что-нибудь сказать.

– Хорошо, я позвоню ей. Может, ей нужно давление измерить.

«Ну, вот, – ухмыльнулся Ваня. – Они ей кости перемывают, а она о них заботится».

– Вот мы и дома, – сказала мама и захлопнула за собой входную дверь.

– Ты переодевайся, а я ужин разогрею, – предложил сын.

– Нет, я сыта, спасибо. Из гостей пришла.

– У Лёхиной мамы в гостях была? – Оторопел от удивления Ваня.

– Да уж, скажешь такое, – улыbnулась мама. – Нет, у знакомых была. Ставь чайник, сынок. Я печенье вкусное принесла.

Ваня поставил чашки на стол, заварил чай, мама положила в вазочку печенье, прочитала молитву перед трапезой, и они сели пить чай.

– Как у тебя дела, сынок? – спросила мама ненавязчиво.

– Ты знаешь, у меня появился друг.

– Друг? – переспросила мама. – Друг – это хорошо.

Школьный или уличный?

– Мы с ним на тренировки вместе ходим. Он в нашей шко-

ле учится. Пашка Сидоров из 6-В.

– А почему Пашка, а не Паша?

– Ой, он такой прикольный! Его никто всерьёз не воспринимает. Даже его собственный папа зовет его Пашкой.

– И ты уже ходил к нему в гости?

– Один раз.

– И компьютер у него есть?

– Есть. У него классный компик.

– Компик?

– А что?

Мама многозначительно посмотрела на сына и спросила:

– А знаешь, зачем я ходила сегодня в гости?

– Нет, – удивился Ваня такому вопросу.

– Ходила в твоего любимого англичанина на компьютере играть.

Ваня ожидал услышать что угодно, но только не это.

– А в какую игру? – Сын так оживился, что даже поперхнулся чаем.

– Ты потише, а то чай сейчас окажется в каком-нибудь неправильном месте.

– Не понял!

– Ну, где угодно, но только не в животе, где ему полагается быть.

Ваня рассмеялся, но тут же перешёл к интересующей его теме. Ему не терпелось поскорее выяснить подробности.

– Так в какую же ты игру играла?

– По первой книге, которая у тебя есть.

– А сколько ты уровней прошла?

Глаза у Вани заблестели, а лицо его просто сияло.

– На втором застряла.

– Не смогла сдвинуть бочку?

– Нет, упала в пропасть.

– А бочку ты сдвинула?

– Бочку сдвинула. А что за проблемы с бочкой? Она откатилась и открыла проход налево.

– Да? А у меня она два раза откатилась немножко и застряла.

– Так ты, наверное, поворот налево не заметил.

– Нет, мам, я во все щели пытался пролезть и перепрыгнуть её пробовал – ничего не получилось. Я два раза заново начинал. Ты заклинание рукой рисовала?

– Да нет, просто на мышку нажимала. Два раза нажала, и бочка откатилась и ударилась о стену.

– Надо же! Почему же у меня эта чёртова бочка не двигалась?

– Может, именно потому, что она *чёртова*?

– Мам, ты опять начинаешь! Скажи, неужели тебе не понравилось?

– Интересно-то оно интересно, да только полезно ли?

– Вот опять ты за своё! – крикнул Ваня и возбужденно вскочил из-за стола.

– Послушай, сын. Компьютерные игры – вещь довольно

занимательная, но они почему-то *ничему хорошему* не учат. Вот эта игра, например, учит тому, как получать *все виды злых удовольствий*. А почему именно злых, почему не добрых, а? Если бы компьютерные игры учили чему-то полезному, кто бы был против?

– И чему полезному они могут учить? – Ваня чувствовал, что начинает раздражаться.

– Как чему? Например, познанию законов природы или познанию природы человека. Кстати, они могли бы помогать учить грамматику, решать задачи в увлекательной игровой форме! Они могли бы учить оказывать первую помощь пострадавшему и делать добрые дела! А они учат прыгать по шкафам, чтобы «слопать» двадцать пять шоколадных лягушек, разбивать вазы, переворачивать котлы, собирать звезды, учить заклинания, чтобы открывать двери, которые впускают, но не выпускают. Такие двери не оставляют пути для отступления. Это же ловушка, как ты этого не понимаешь?

– Это не ловушка, а игрушка! – крикнул Ваня, чтобы до мамы скорее дошло.

– К сожалению, сынок, это очень опасная игрушка. Это игла, для которой не нужен ни шприц, ни наркотик, но болезнь, которую она вызывает, гораздо опаснее наркомании, потому что она не осуждается обществом, а, наоборот, принимается им, как игра.

Мама немного помолчала и, как бы вспомнив о чём-то, продолжила:

– Вот ты сказал «чертова бочка». А, ведь, автор этих «игр» именно ОН! И чьей рукой он действует – не имеет никакого значения! Бес не может войти в человека без его позволения. Но, когда человек устремляется ко злу, даже в виде игры, этот барьер разрушается, что может привести к одержимости бесами.

– Ма, ну зачем ты так всё усложняешь? – Ваня уставился на чашку с недопитым чаем.

– Я не усложняю. Я просто вижу, что хоть ты эту дверь ещё не открыл, она за тобой уже захлопнулась. Запомни, сынок: тем, кто платит создателям этих игр, вы не нужны нравственными и образованными. Вы нужны им тупыми остолопами, жаждущими всяких сомнительных удовольствий для каких-то непонятных «гм-экспериментов». В этом случае им будет легче делать с вами то, что им нужно. Именно для этого они заставляют вас по десять раз прыгать со шкафа на шкаф и бить одни и те же горшки.

– Как же мне с тобой не повезло, – простонал Ваня. – Вот Пашкин папа ни во что не вникает! Для него главное, чтобы сын был под присмотром и не скучал.

– И его не тревожил, – добавила мама. – А Пашина мама?

– У него нет мамы. Он живет с папой.

– У него нет мамы, у тебя нет папы. *Вот* в чём вам действительно не повезло. – Мама взяла в руки чашку и стала рассматривать её, как будто никогда прежде не видела, потом поставила чашку на стол и, тяжело вздохнув, добавила: –

Да, сынок, тебе не повезло со мной, потому что я неправильно выбрала для тебя папу. Но я тогда тоже, к сожалению, собирала звёзды, хоть и не в компьютерные корзины, как вы теперь.

Какое-то время они сидели молча. Первой нарушила тишину мама:

– Кстати, мне тут попала статья о праздниках. Оказывается, древнее население островов Британии, Ирландии и части нынешней Франции отмечали свой главный праздник Самайн, конец старого и начало нового года, 31 октября. Разгульная ночь Самайна была одной из самых страшных в году: считалось, что в эту ночь завеса, разделяющая людей и сидов (*враждебных людям волшебных существ*) становится совсем тонкой, так что *люди и сиды могут проникать в миры друг друга*. Ничего не напоминает?

– А что это может напоминать? – надулся сын.

– Платформу номер девять и три четверти!!!

Ваня хотел возразить, но не нашёлся, что сказать, а мама продолжала:

– Так что, мой мальчик, сказка о твоём «хорошем» Гарри Поттере далеко не вымысел. Это язычество в действии. А ещё древнееврейский пророк и псалмопевец царь Давид сказал, что «боги язычников – это бесы». Так что думай, Ваня. Тебе решать, с кем ты, – тихо добавила мама и ушла в свою комнату, закрыв дверь.

Ваня остался на кухне, чтобы помыть посуду. То, что

раньше в нём бунтовало против мамы, теперь почему-то молчало. Он почувствовал себя здесь, на кухне, таким несчастным и совсем одиноким. А возле мамы было тепло и спокойно.

Ваня расставил чашки и пошёл к маминой двери. Он немного постоял у двери, собираясь с духом, и тихонько открыл дверь. В комнате было темно, только у икон горела лампадка. Мама стояла на коленях и молилась. Ваня подошёл к ней и тоже опустился на колени.

– Мама, родненькая, помоги мне, – шёпотом сказал он.

– Не могу, дорогой, – так же шёпотом ответила она.

– Но почему?

– Когда я пытаюсь тебе помочь, ты раздражаешься, начинаешь кричать. *А восставать на родителей – это очень тяжёлый грех.* Это нарушение пятой заповеди: «Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, и да долголетен будешь на земли». Провоцируя тебя на скандалы, я своими руками сокращаю тебе жизнь, а я этого не хочу. – Немного помолчав, она добавила: – Бог дал людям свободную волю. Каждый сам выбирает для себя путь. Каждый сам делает выбор между злом и добром. Я, к сожалению, не могу сделать *твой* выбор *вместо тебя*. Единственное, что я могу, это молиться и просить Господа помочь тебе.

Ваня видел, как по маминой щеке потекла слеза. Он прижался щекой к её тёплой руке, и почувствовал, как от его одиночества не осталось и следа.

Мама тихо плакала, а губы её шептали: «Господи, помоги нам грешным».

В следующие выходные Ваня пошёл с мамой в храм. Они шли, не спеша, и мирно разговаривали. У мамы было одухотворённое лицо, и улыбка не сходила с губ.

– Как же хорошо, когда родители и дети вместе ходят в храм! – время от времени повторяла она.

Ваня немного волновался. Как его там встретят? Он уже давно не был в храме. Но встретили его просто: кто улыбками, кто кивком головы, а некоторые вообще не заметили его отсутствия.

Руководительница воскресной школы мягко потрепала его по волосам и сказала:

– Пропажа нашлась! Что ж, всегда рады!

– Вань, а этот меня стукнул, – рыжеволосый малыш, сам не упускавший случая кого-нибудь зацепить, дёрнул его за штанину.

– А жаловаться некрасиво, не знаешь, что ли? – Ваня улыбнулся и помахал ябеднику пальцем. – Иди, лучше, на свечки посмотри.

Храм быстро наполнялся знакомыми и незнакомыми людьми. Ваня заметил, что за время его отсутствия появилось много новых людей и стало больше малышей. Мама показала ему на молодую пару, выпускников воскресной школы, и радостно сообщила: «Они недавно повенчались».

Началась служба. Размеренное беспристрастное чтение перемежалось с торжественно-молитвенным пением. Диакон вышел на амвон и звучным голосом начал ектению: «Господу помолимся». – «Господи помилуй», – отозвался хор. Как всё это было знакомо и как отличалось от всего, что было за стенами храма!

Ваня вспомнил о Пашке. Интересно, как бы непоседа Пашка чувствовал себя в храме. Наверное, переминался бы с ноги на ногу, без конца бегал пить молебную водичку и спрашивал бы, дёргая его за руку: «Ну, когда уже конец?» Если он и постоял бы тихо минут десять, поражённый торжественностью службы, то потом всё равно побежал бы пить водичку.

Ваня посмотрел на группу малышей, суетившихся у кануна. Канун – это такой большой и длинный подсвечник прямоугольной формы с распятием, куда ставят свечи об упокоении усопших родственников. Тут малышам – приволье: весь канун уставлен свечами, которые железным колпачком на длинной ручке легко можно гасить. Малыши с нетерпением ждали того момента, когда свеча догорит, и её можно будет задуть, а огарок отнести в специальную коробочку. Также нужно было убирать с красивой золотой поверхности кануна капли воска, «наплаканного» свечами. В общем, работы было предостаточно! А ещё горящие свечи иногда обжигали колыхнувшимся пламенем или горячей восковой слезой. Тогда малыши со слезами на глазах бежали к мамам,

прося подуть на обожжённое место.

Отвлёкшись от кануна, Ваня представил себе Гарри, стоящим рядом с ним в храме. Наверное, мальчик с молнией на лбу выхватил бы свою волшебную палочку и пытался бы заколдовать обжёгшую его свечу.

– Мальчик, что ты делаешь? – услышал бы он замечание от кого-нибудь, стоявшего поблизости.

– Мальчик, не вертись, ты отвлекаешь от службы, – сказал бы кто-нибудь ещё.

– Ах, я отвлекаю от вашей Службы? – возмутился бы волшебник. – Да я сейчас превращу её в жабу, эту вашу Службу!

Он стал бы шептать свои заклинания, размахивая палочкой, его точно вывели бы в притвор и сделали внушение.

– Сынок, идём, подойдём к бабушке. – Мама похлопала его по плечу и взяла за руку, как маленького.

– Ма, я сам, – отдёргнул руку Ваня.

– Бабушка, а я сегодня не одна, – услышал он счастливый голос мамы.

– Очень хорошо, – мягким голосом сказал бабушка. – Ну-ка, ну-ка, отрок. Возмужал! Вот это так возмужал! Прямо-таки Илья-Муромец! – Бабушка всегда шутил, и все дети его любили.

Ваня сложил руки крестом под благословение.

Бабушка благословил его и сказал:

– Не пропадай больше, хорошо?

– Постараюсь, – ответил Ваня и опустил глаза.

– Вот и хорошо. – Батюшка положил ему руку на голову и, слегка потрепав по волосам, добавил: – Иди с Богом, отрок Иоанн.

Со смущённой улыбкой сын подошёл к маме, которая вся просто сияла. Служба продолжалась.

Ваня уже заканчивал переодеваться, когда в раздевалке появился Пашка.

– Кто к нам пришёл! – Ваня радостно хлопнул друга по плечу, но тот в ответ ничего не сказал и как-то кисло улыбнулся.

– Ты что, заболел? – насторожился Ваня.

– С чего ты взял? – нехотя буркнул друг.

– Да вялый ты какой-то...

– Чего уставился? – перебил его Пашка. – Иди, тренируйся. На меня пришёл смотреть, что ли?

Ваня ничего не ответил, а просто приложил ладонь к Пашкиному лбу, прошипел «пш-ш-ш» и одёрнул руку, как от раскалённого утюга.

– Сим-сим больной, – сказал он, подражая знакомому малышу, не умевшему выговаривать слово «совсем», и покачал головой.

– Ванька, иди, а то двину, – огрызнулся Пашка. Он, явно, был не в духе.

– Сидоров, с возвращением! – Иван Сергеевич радостно поприветствовал вошедшего. – Ты надолго к нам вернулся?

– Да уж постараюсь, – ответил Пашка невпопад.

– Да ты уж постарайся, дорогой, а то нам как-то скучно тут без тебя. Ладно, давай догоняй ребят.

Всю тренировку Пашка молчал. Это было просто нечто из ряда вон выходящее, и все это заметили, а Вовка Иванов, с которым Пашка в тот момент боксировал в паре, сказал ему после очередного пропущенного удара:

– Эй, язык покажи.

– Чего тебе? – не понял Пашка.

– Язык покажи, говорю.

– На, смотри, если не видел, – буркнул в ответ Пашка, открыл рот и высунул язык.

– Смотри-ка, – изобразил удивление Вовка. – Язык на месте! А я-то думал, что ты его проглотил!

– Дурак, – резко ответил Пашка и нанёс напарнику запрещённый удар.

– Эй-эй! Ты чего это разошёлся? – Иван Сергеевич тут же сделал замечание.

– А чё он пристаёт? – возмутился Пашка.

– Чё-ничё, а правил не нарушай, – сказал Иван Сергеевич, надевая перчатки. – Иди-ка сюда, я с тобой побоксирую.

Пашка тут же пропустил несколько ударов.

– Давай, давай, наступай, – подбодрил его Иван Сергеевич, но Пашка, наоборот, сник ещё больше. – Сидоров, ты после перерыва совсем форму потерял. Больше тренировки не пропускай – это тебе не на пользу.

– Ладно, – согласился Пашка, чем окончательно всех удивил. Чтобы Сидоров и не пререкался! Такого за ним раньше не водилось.

На улице после тренировки Ваня решил сразу взять быка за рога.

– Слышь, не пойму я тебя. С тебя сняли домашний арест, а ты как будто и не рад!

– Да уж! Радости полные штаны! – Наконец-то Пашку прорвало и, развернувшись, он закричал, махнув рукой перед лицом любопытного друга: – А ты знаешь, какой ценой его сняли?

– Не знаю, какой?

– Не знаешь, вот и не говори, – огрызнулся Пашка.

– Паш, ну, ты расскажи мне, тебе же легче будет.

– Да ни фига мне легче не будет, отстань!

– Что, папа выбросил все твои игры?

– Ну и выбросил бы, что за беда?

– Так что же тогда случилось? Тебя кто-то унизил? – Ваня вспомнил свой случай в школе. Он знал, *как* это больно.

– Может, и унизил, а, может, и нет.

– Кто, Лёха Крутой? – выпалил Ваня.

– Чего? – не понял Пашка. – Ванька, чего ты пристал? Тут жизнь, можно сказать, с рельсов сошла, а ты с каким-то Лёхой лезешь?

– С папой что-то? – осторожно спросил Ваня.

– Да, с папой, в том-то и дело, – ответил Пашка совершенно упавшим голосом.

– Заболел? – Ваня задал свой вопрос предельно осторожно.

– Это уж, точно, что заболел. – Пашка, казалось, обрадовался правильно найденному образу. – Ну, ладно, расскажу тебе. Ты, ведь, всё равно не отстанешь, знаю я тебя. – Немного помолчав, как бы размышляя, с чего лучше начать, он сказал: – Неделю назад мой папа запел.

Ваня решил, что друг опять издевается над ним, и уже хотел, было, возмутиться, но Пашка его остановил:

– Не перебивай, иначе *ничего* не расскажу.

Оказалось, что Пашкин папа стал петь и в ванной, и на кухне, и чаще всего арии из опер, особенно «Тореадор, смелее в бой...», а вчера вечером зашёл к сыну в комнату «для серьёзного разговора». Пашка сначала удивился, потому что причин для такого разговора не было: в дневнике – всего парочка замечаний, за поведение только четвёрки и пятёрки, оценки по предметам тоже заметно улучшились, но папа стал говорить не о нём, а о себе.

Дескать, устал он жить один, друг ему, видите ли, нужен, вернее, подруга, и вообще, в доме должна быть женщина, и такую он, наконец-то, встретил и завтра она уже переедет к ним жить! Места у них достаточно, конечно, придётся кое-где и потесниться, но зато у них начнётся нормальная жизнь с домашними обедами и женским порядком в доме. Папа заверил сына, что женщина эта ему понравится, тем более, что она готова полюбить его таким, каким он есть, то есть, со всеми его недостатками. «Вот так, мой мальчик, – закончил папа, – завтра у нас с тобой начинается новая жизнь».

И вот новая жизнь началась. С Пашки сняли домашний арест и отправили на тренировку.

– Да лучше бы я под домашним арестом сидел, чем *такая* новая жизнь! – Рассказчик тяжело вздохнул и закончил свое повествование.

Ваня пытался представить себе, как бы *он* поступил, если бы всё это произошло с ним.

– А что, она тебе не понравилась? – осторожно спросил он.

– Да, нет, она так на вид нормальная, улыбалась всё, голосок такой сю-сю-сю, только у меня внутри всё перевернулось!

– Да подожди ты кипятиться, – попробовал успокоить друга Ваня. – Это так только поначалу. Ты потом к ней привыкнешь, и все твои внутренности на места встанут. Может, она тебе ещё и понравится.

– Глаза бы мои её не видели, – буркнул Пашка.

– Но нельзя же быть таким эгоистом! Ты о папе своём подумай. Ему же тяжело с тобой! Ты, если полюбить её не хочешь, тогда просто терпи ради папы.

– Ещё чего! – вскрикнул Пашка и даже подскочил на месте. – Я ей все шпильки переломаю!

На этом месте им пришлось расстаться, так как Пашка уже подошёл к своему подъезду.

– Ты, Ванька, главное, не парься. Приходи в волшебников играть. Теперь мне всё можно, – сказал Пашка, очень ста-

раясь выглядеть спокойным и безразличным. – Когда придёшь?

– Созвонимся, – ответил истосковавшийся по волшебству игрок и махнул рукой.

Он шёл, а внутри у него боролись противоречивые чувства. С одной стороны, ему было жаль Пашку, с другой – радостно, оттого что доступ к компьютеру теперь свободен. С одной стороны, он обещал маме больше не играть в эту игру, а с другой – ему очень хотелось сдвинуть бочку и посмотреть на двери, о которых она говорила. Что такого, если он сыграет всего лишь в одну игру? Просто, он будет иметь представление, и всё. Эта мысль показалась утешительной, и он, довольный, позвонил в дверь своей квартиры.

Ваня набрал цифры 145, и домофон опять ответил голо-сом Пашкиного папы.

– Дядя Саша, это Ваня.

– Открываю, проходи, – ответил Александр Иванович, и щелчок дверного замка подтвердил истинность его слов.

Ваня сел в лифт, но на этот раз он уже не был «экспрес-сом», и наверху, в квартире 145, его тоже ждали перемены.

Первое, что бросилось ему в глаза – это сияющие папины и потухшие Пашкины глаза.

Дядя Саша был настоящим тореадором: он был полон энергии, подтянут, собран, как если бы в соседней комнате его действительно ждал разъярённый бык. Но вместо быка из соседней комнаты появилась миловидная тётя. Она, приветливо улыбаясь, мягкой походкой подошла к Ване.

– Олечка, познакомься с Пашкиным другом, – пропел дядя Саша.

Олечка была полной противоположностью Ваниной маме. Яркая, крашеная блондинка с легким макияжем со вкусом, она была, скорее, похожа на Алёну, хотя и уступала ей в красоте.

– Ваня, познакомься. Это тётя Оля, наша боевая подруга, которая решилась взять на себя бремя заботы о нас с Пашкой.

– Очень приятно, – вежливо ответил Ваня и заметил Пашкин презрительный взгляд.

– Мальчики, идите, играйте, а я вам сейчас пирожков принесу, – сказала «боевая подруга», при этом мило улыбнувшись.

– Тётя Оля печёт замечательные пирожки. Ты, Ваня, сейчас в этом сам убедишься, – добавил дядя Саша, не переставая сиять.

– Я бы лучше ел чипсы, чем эти «замечательные пирожки», – сказал Пашка, зайдя в свою комнату, и скорчил рожу, копируя папу.

Через несколько минут появилась тётя Оля с подносом, на котором стояли две чашки ароматного чая и два блюдечка с пирожками.

– Эти с рисом и яйцом, а эти с капустой, – пояснила она. – Кушайте, а за добавкой приходите на кухню.

Новая хозяйка дома ушла, а Ваня сказал другу на ухо:

– И чем тебе плохо? Такой сервис!

– Та пошёл ты со своим сервисом! – огрызнулся Пашка и открыл игру.

На этот раз бочка сдвинулась без всяких проблем. Она просто откатилась к самой стене, и открывшийся проход налево дал возможность собрать танцующие звезды. Потом появились горшки, которые нужно было бить.

Мальчик в очках побежал дальше по коридору, и тут Ваня услышал какой-то странный звук. Он развернул своего героя

и увидел медленно закрывающуюся за ним массивную дверь. Мама была права – назад ходу не было.

Ваня остановился в нерешительности, но мальчик в очках повернулся и смотрел на него с удивлением. В выражении его лица он прочитал: «Ну, чего же ты стоишь? Давай, бежим вперёд!»

Какое-то мгновение Ваня колебался, но Пашкин возглас заставил его палец опуститься на стрелку «вперёд». После этого появились движущиеся колонны, на которые нужно было запрыгнуть, и очень скоро Гарри-Ваня с криком полетел в чёрную пропасть.

Пройти этот кусок пути Ване никак не удавалось. Ему приходилось возвращаться, бить одни и те же горшки, чтобы потом снова и снова падать в пропасть. Пашка смотрел на все эти мучения без комментариев. Ване показалось, что он даже радовался тому, что у его гостя ничего не получается.

– Пашка, – взмолился он, – подскажи! Время идёт, а я топчусь на месте.

– А ты отдохни. Вот пирожков поешь, – съязвил друг.

– Да ладно тебе. Нормальные пирожки, я уже съел один, но они мне не помогут.

Пашка нехотя подсказал, благодаря чему Ваня попал в комнату с уродливыми гномами. Эти мелкие уродцы нападали, не давая сделать и шагу, и вскоре обессиленный маленький очкарик упал на пол без чувств. Ваня начинал снова и снова, но Пашка молчал, лишь изредка прерывая мол-

чание фразами типа «так ему, так ему».

– Пашка, и тебе не жалко бедного мальчика?

– А чего его жалеть – пусть не лезет, куда не звали!

Ваня понял, *кого* имел в виду его друг, подумал о бедной тёте Оле и случайно нажал на левую кнопку мыши. Появился знак заклинания, и гном со стоном повалился на спину.

– Так вот в чём дело! – радостно выкрикнул он. – Голыми руками без чародейства вас не возьмёшь, серые морды! Тогда вот вам, вот вам!

Перебив всех гномов, Гарри-Ваня оказался на школьном дворе, где ему предстояло освоить полеты на метле. Но тут наступил самый горький момент в его жизни, так как Ваня, не имея ни малейшего представления о полётах, жал на все кнопки подряд, а его герой врезался во все попадавшиеся на его пути стены. Он то резко взлетал вверх, то на всей скорости палкой метлы врезался в землю.

– Вот это так Жуков! – оживился Пашка. – Такого садиста мир ещё не видел! Он уже отбил маленькому беззащитному волшебнику все внутренности, но тот ещё держится из последних своих волшебных сил!

– На, *ты* слетай! – Ваня освободил насмешнику стул у компьютера.

Пашка уселся, и мальчик на экране тут же взлетел, плавно набирая высоту. Он пролетел и розовые и голубые и самые верхние жёлтые кольца.

– Здорово! – только и смог сказать Ваня, но теперь он *по-*

нял секрет полётов.

Теперь мальчик в его руках, плавно двигаясь, то влево, то вправо, прошёл почти все кольца и залетел в секретную комнату на чердаке, где прятались танцующие бобы.

– Вот это класс! – Ваня сиял, точь-в-точь как Пашкин папа.

Ему так хотелось ещё полетать, но игра продолжалась, и нужно было успеть пройти, как можно больше, потому что девять часов наступают очень быстро, а что будет завтра, не знает никто.

На самом напряжённом месте дверь открылась, и в проёме появилась тётя Оля. Она напонила, что пора заканчивать, и Пашка, немного оживившийся от игры, снова поник, а Ваня бойко рассказал о полётах на метле, похвалил пирожки, сказал, что как-нибудь угостит их пирожками своей мамы, поблагодарил за гостеприимство и перед самым выходом подошёл к другу и шепнул ему на ухо:

– Выше нос, Пашка! Где твоя шашка?

– Ладно, давай. Увидимся. – Пашкин ответ прозвучал очень кисло, но ни папа, ни тётя Оля, этого не заметили.

Ваня догнал своего друга у самого входа в столовую. Он знал, что Пашка решил выжить тётю Олю и ударил по самому больному папиному месту – по желудку. Он так мечтал о нормальных домашних обедах, и тётя Оля взялась за дело не на шутку. Папа был на десятом небе. Тогда у Пашки родился план: подсыпать соль в приготовленные тётей Олей блюда.

В первый подсол папа ел не морщась, выясняя у тёти Оли, не влюблена ли она, случайно. Дескать, все влюблённые пищу пересаливают. Хозяйка очень смутилась, так как она пробовала всё, что готовила.

Во второй «подсол» папа всё также шутил и задавал пикантные вопросы, но доедать не стал. Когда же это повторилось в третий и в четвёртый раз, он был уже не в силах скрывать своё раздражение.

Тётя Оля пыталась оправдываться, говорила, что ничего не понимает, что здесь что-то не так, но папа вставал из-за стола голодный и раздражённый. Пашка был доволен: такая хозяйка в их доме долго не продержится.

– Как там твоя война? – поинтересовался Ваня.

– Перешла в стадию вооружённого конфликта.

– Вооружённого конфликта? Это как?

– А вот так, – передразнил его Пашка, – тётя Оля меня

застукала. Сказала, что забыла купить хлеб и идёт в магазин, а сама оделась, хлопнула дверью, но не ушла, а где-то спряталась. Как только я подошёл с солонкой к кастрюле, она тихонько появилась на кухне с фотоаппаратом в руках. Вспышка света – и я пойман с поличным! Вот такой сообразительной оказалась эта тётя Оля, – добавил Пашка и тяжело вздохнул.

– И что потом? – Ване не терпелось узнать конец истории.

– А потом суп с котом! Фотография была предъявлена, и папа, разумеется, отстегал меня ремнём. Ты себе даже представить не можешь, какое у него было лицо! – Пашку передёрнуло от одного только воспоминания. – Он заставил меня просить прощения у тёти Оли столько раз, сколько я портил её «вкуснейшие обеды»! Зато тётя Оля торжествовала: папа целовал ей ручки и тоже просил прощения за то, что потерял бдительность. Кому-кому, а ему ли не знать своего сына-обалдуя! Вот так-то, – подытожил Пашка и опять тяжело вздохнул.

– И ты сейчас под домашним арестом? – Ваня думал о себе: опять ему не придётся доиграть.

– Нет, я сейчас мою посуду и помогаю тёте Оле по хозяйству, а это ещё хуже.

Пашка без всякого интереса доел свой бутерброд, поставил на стол недопитый чай, взял рюкзак и, сказав «давай, Ванька, пока», ушёл из столовой, а Ваня задумался.

– Жук, а ты в компьютерные игры играешь? – скрипучий

голос заставил его вернуться в школьную столовую.

– Играю, а что? – вопрос Сашки из параллельного класса был для него явной неожиданностью.

– И как, получается?

– Как получается, так и получается. Тебе-то что? – Ваня никак не мог врубиться в суть Сашкиного вопроса.

– А ты про коды слышал?

– Нет, не слышал. А что это ещё за коды?

– Ну, как ключи к задачкам. Не можешь ты уровень пройти, ввёл код – и игра сама идёт, а ты сиди и наблюдай, что делать надо. Клёво!

– Не врёшь? – Ване что-то не очень верилось в такие чудеса компьютерной техники, но Сашка тут же отреагировал, как искусный продавец своего товара:

– А ты купи и проверишь.

– Готовые решения для ленивых? – ухмыльнулся Ваня. Он уже представлял, как ошарашит Пашку этой новостью. А, может, этот хитрец про коды эти знает и специально ему не говорит, чтобы поёрничать? Да, от Пашки чего угодно можно ждать! – И где эти коды берутся? – спросил он Сашку.

– Тут пареньь один коды продает.

– А ты его дилер? – хихикнул Ваня, чем заметно разозлил посредника.

– Просто я тебя знаю, а он нет. Поэтому я и спрашиваю, понял?

– Понял, понял, не кипятись. И по чём же продают?

– Да дешёвка! 30 рублей уровень. Тебе для какой игры?

– Знаешь, я подумаю, – выкрутился Ваня. В самом деле, если у Пашки эти коды есть, то зачем тратиться? Нужно просто нажать на Пашку.

– Ну, думай, думай. Если что, подходи.

Сашка развернулся на пятках, взвалил на спину рюкзак и поспешил к выходу, так как в это время прозвенел звонок на урок.

«Просто я тебя знаю, – мысленно перекинул его Ваня. – Знаем мы этих хитреньких: или он сам эти коды продаёт, или проценты с того парня получает!»

Ваня уже почти подбежал к классу, но нечаянно наткнулся на какую-то девчонку, которая торчала на его пути.

– Чего на дороге стоишь? – прогремел он и слегка оттолкнул её плечом в сторону, но когда та повернула к нему своё возмущённое лицо, Ваня окаменел – это была Алёна!

Увидев Ваню, белокурая Мальвина переменяла выражение лица и, казалось, немного смутилась.

– А, привет. Как поживаешь? – спросила она и мило улыбнулась, как это умеют делать красивые девчонки.

– Спасибо, хорошо, – оторопев, ответил Ваня.

– Я тут думала... – запнулась Алёна, так как увидела приближающуюся учительницу, – ... на, возьми, здесь всё написано. Только никому не показывай.

Она сунула ему в руки свёрнутый лист бумаги и быстрым шагом прошла мимо Марии Петровны, не забыв вежливо по-

здороваться с ней.

Ваня положил письмо во внутренний карман пиджака и почувствовал, что сердце его быстро-быстро забилося в груди.

«Что это было? – спрашивал он себя. – Видение? Это мне померещилось?»

– Жуков, поторапливайся. Ты что, звонка не слышал? – голос Марии Петровны вывел его из состояния шока.

Ваня юркнул в дверь и забежал глазами по классу. Он не хотел садиться на своё обычное место, потому что ему не терпелось прочесть сокровище, лежавшее во внутреннем кармане его пиджака, а для этого ему требовалось уединённое место подальше от учительского стола.

Подходящий стол в углу оказался свободным. Бросив на сидение рюкзак, Ваня плюхнулся следом, изнемогая от желания достать письмо, но Мария Петровна начала какие-то разборки, которые она частенько устраивала на своих уроках как классная руководительница. Ваня с нетерпением ждал начала урока по теме, но «Мариша», как назло, конкретно завелась.

– Мария Петровна, а можно вопрос по уроку? – спросил он первое, что пришло в голову, с одной единственной целью: заставить учительницу заняться делом и перестать стрелять по классу глазами.

– Ты понял, Жуков?

Неожиданный вопрос застал «любопытного ученика»

врасплох и заставил его подскочить на месте.

– Понял, Мария Петровна, – выкрикнул он от испуга и резко покраснел.

– Гляньте, Жук краснее помидора, – чей-то противный голос развернул головы одноклассников в Ванину сторону.

– Сейчас же все посмотрели на доску, – стала успокаивать класс Мария Петровна, но реплики и хихиканье ещё несколько минут раздавались то тут, то там.

Наконец учительница дала самостоятельную работу. Возбуждённый Ромео не слышал ни задания, ни сколько на него давалось времени. В висках у него стучала кровь, а рука сжимала сокровище в конверте, которое он уже успел вытащить из кармана. Осторожно, стараясь не произвести никакого шума, чтобы опять не привлечь к себе внимания, Ваня достал сложенный листок из конверта и развернул его у себя на коленях. Затаив дыхание, он начал читать:

«Милый дедушка, Константин Макарыч! И пишу тебе письмо. Желаю тебе всего от господа бога...»

Кровь резко ударила Ване в виски. Ничего не понимая, он судорожно стал перескакивать со строчки на строчку:

«А вчера мне была выволочка... А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку... и ейной мордой начала меня в харю тыкать.»

«Что это такое? – стучался в виски один и тот же вопрос. – Что это такое?»

«А еды нету никакой..., а чтоб чаю или щей, то хозяйева

сами трескают...»

Ванин взгляд перескочил на самый конец письма:

«Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой... А ещё кланяюсь Алёне, Лёхе Крутому и его специалистам. Остаюсь твой внук Иван Жуков».

У Ваня потемнело в глазах, а к горлу подступил вскипевший гнев.

– Жуков, ты чем это там занимаешься? – раздался голос Марии Петровны.

– Ничем, – ответил в ответ Ваня, сжимая листок в ладони, но Мария Петровна уже была рядом. Она схватила нарушителя дисциплины за руку и стала разжимать его ладонь с зажатым в ней скомканным письмом.

– Вот я и вижу, что ничем, – сказала Мария Петровна голосом победителя, разворачивая скомканный лист бумаги.

«Приезжай, милый дедушка, а то меня все колотят и кусать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу...», – прочитала она вслух и, посмотрев на Ваню убийственным взглядом, добавила: – Ты бы лучше самостоятельную работу делал, тогда и скучать было бы некогда.

– Отдайте! Это моё письмо! – закричал Ваня и вскочил со своего места, но Мария Петровна уже шла по направлению к учительскому столу и продолжала:

– «Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой... А ещё кланяюсь Алёне, Лёхе Крутому и его специалистам. Остаюсь твой внук Иван Жуков».

– Во Ванька поклоны Лёхе передаёт! – хихикнул Женька у окна.

– И всем его специалистам. Уважает! Не зря они его дрессировали! – добавил кто-то ещё.

– Верните мне моё письмо! – закричал Ваня. Дух у него перехватило, и слова застревали в горле. – К-как, как Вы смеете?

– Ах, как я *смею*? – опять завелась Мария Петровна. – А ты как смеешь на уроке посторонними вещами заниматься? – крикнула она. – Как, я тебя спрашиваю? Отвечай!

Дальше пошла обычная процедура: положи дневник на стол, я хочу поговорить с твоей мамой, сегодня за урок «два», будешь огрызаться, отведу к завучу и так далее в том же духе.

Раздавленный Ваня, как побитая собака, выбежал из класса. Он тупо смотрел себе под ноги. Мысли в голове мешались, и слёзы обиды подступали к глазам. Но плакать он не мог – окружение было вражеское. Впереди кто-то стоял. Не поднимая головы, Ваня попробовал обогнуть стоящих, но и они тоже передвинулись в ту же сторону. Столкновение было неизбежно.

– А вот и наш внук Ванятка, – услышал он знакомый до тошноты голос. – Ну что же, привет мы твой получили, за что премного благодарны.

Ваня поднял голову и увидел, что не ошибся: перед ним стоял Лёха Крутой в окружении парочки специалистов, а ря-

дом с Лёхой стояла... Алёна! и держала его под руку. Она не сводила с Лёхи глаз, полных восхищения.

– Ладно, горемыка, иди на почту, отправляй письмо, – сказал Лёха, изображая притворное сочувствие. – Только смотри, не забудь адрес написать: «На деревню дедушке».

Первой засмеялась Алёна, а за ней и все специалисты.

Ване хотелось броситься на Лёху и кулаком дать ему по зубам, но он сдержал себя – рядом с его врагом стояла Алёна.

Оттолкнув хихикавшего перед ним специалиста, он почти бегом выбежал из школы. Ему нужно было бежать всё равно куда, лишь бы не стоять на месте! Если он остановится, гнев, вскипевший в груди, просто разорвёт его на части.

«Подонок! Гадина ползучая! – Все плохие слова, которые Ваня когда-либо слышал, выплывали из памяти и попадали в обойму ненависти, как пули, которыми он должен был уничтожить Лёху. – А Алёна-то, Алёна! Вот тебе и „свет очей моих“. Змея подколодная! И чего я только в ней нашёл? Почему я раньше никогда не видел в ней этого лицемерия? „А, привет! Как поживаешь?“ Вот где ехидна замаскированная! Мальвина перекрашенная!»

Ваня сбавил темп, так как распивавший его гнев затруднял дыхание. Немного отдышавшись, он попробовал обратиться с мыслями, но они путались в голове. Он побежал быстрее прежнего, а когда остановился снова, понял, что в нём больше не было ни мыслей, ни чувств, осталась только одна злоба.

«Почему? Почему всё это случилось? За что они меня ненавидят? Или они просто так развлекаются? – Ваня посмотрел на небо, и губы его жарко зашептали: «Господи, я знаю, что ты велел нам терпеть все посылаемые Тобой скорби, но это *не справедливо!* Я не сделал им ничего плохого! Я *ничего* им не делал! Да, я ненавидел Лёху, но он первый начал унижать меня! Его мать поставила мою маму на счётчик! За что, Господи? Моя мама хорошая. Она в сто раз лучше Лёхиного красноротого «шкафа»! За что Ты попускаешь им унижать меня и мою маму? За что? Скажи мне, за что?»

Ваня уже добежал до двора своего дома. Бегать по двору и привлекать к себе внимание бабы Люси с компанией не имело смысла, поэтому он бросился к своему подъезду. Баба Люся сидела «на дежурстве».

– Ты чаво нясёсса, как угорелай, Ванька?

– Живот болит, в туалет надо, – соврал он, чтобы шпионка баба Люся ничего не заподозрила.

– А-а, ну бяги, бяги, – с пониманием отнеслась баба Люся к Ваниному вранью. – Съел, видать, чаво-то. Нонче...

Баба Люся не договорила, потому что дверь подъезда уже захлопнулась, и Ваня, не дожидаясь лифта, побежал, перебежав через ступеньку. С трудом попав ключом в замочную скважину, он открыл дверь и с разбега упал на свою кровать. Ему хотелось плакать, но слёзы не текли. Душа его, казалось, высохла, а перед глазами стояло наглое Лёхино лицо и хихикающая Алёна.

«Я отомщу. Чего бы мне это не стоило, я отомщу!» – твердил Ваня одни и те же слова. У него не было никаких планов относительно грядущей мести. Была только одна уверенность: на этот раз Лёхе так просто это не сойдёт.

Ваня лежал, тупо глядя в потолок, без слёз, без мыслей, без жалости, даже к самому себе. У него не было сил встать и переодеться. Если бы глаза его не видели висящую на потолке люстру, можно было бы подумать, что он умер. Конечно, он был ещё жив, но что-то в нём действительно умерло.

Когда пришла мама, он всё ещё лежал на своей кровати, такой же неподвижный и такой же безучастный.

– Сынок, ты заболел? – Мама сразу заподозрила что-то неладное.

– Нет, – коротко ответил он.

Мама потрогала лоб сына – температуры не было.

– Что у тебя болит?

– У меня уже ничего не болит, – сказал он одеревеневшими губами.

– У тебя что-то случилось?

– Да.

– Ты мне расскажешь, что случилось?

– Нет.

– Тебе нужна моя помощь?

– Нет, – ответил сын.

Тогда мама тихо вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Ваня слышал, как она говорит с кем-то по телефону. Ему было всё равно, что происходит за закрытой дверью. Пусть делают всё, что хотят, только не трогают его.

Через какое-то время дверь в комнату отворилась, и в проёме сначала появилось бледное лицо мамы, а потом два человека в белых халатах. Они задавали вопросы, Ваня отвечал коротко «да» или «нет». С него сняли пиджак, рубашку, сделали какие-то уколы и ушли. Свет в комнате погасили, и больше он ничего уже не помнил.

На следующий день, когда он проснулся, был уже полдень. На прикроватной тумбочке лежала записка и накрытый салфеткой завтрак. Ваня приподнял салфетку. Есть не хотелось, но мама приготовила его любимые блинчики с маком, откаяться от которых он просто не мог. В термосе был горячий чай с мятой. Ваня сделал несколько глотков и почувствовал, как его обезвоженное тело наполняется живительной влагой.

Покончив с завтраком, он откинулся на подушку. Сил было так мало, что завтрак забрал почти все имеющиеся в наличии, но на душе стало как-то теплее. Он пытался вспомнить, какой сегодня день, и почему он не в школе. Мысли в голове путались, и у него явно не доставало сил, чтобы собрать их. Раздался телефонный звонок, и он, пошатываясь, подошёл к телефону. Звонила мама.

– Как ты, сынок? – осторожно спросила она.

– Хорошо, – умиротворённо ответил Ваня. – Ма, а сегодня что, выходной?

– Нет, сегодня среда, – ответил встревоженный мамин голос.

– А почему ты меня не разбудила? – удивлённо спросил Ваня, и вдруг всё вспомнил: Алёна, письмо, Мария Петровна, Лёха, баба Люся, бледное лицо мамы, скорая помощь, – всё это пронеслось перед его мысленным взором и обдало

его горячей волной. Через несколько секунд жар схлынул, и проступила дурнота, покрывшая тело липким холодным потом.

– Я вас всех ненавижу, – процедил он сквозь зубы и положил трубку.

В раздевалке после тренировки Ваня шепнул Пашке:

– Слышь, одевайся быстрее, дело есть.

Пашка бросил на друга удивлённый взгляд, но спрашивать ничего не стал. Он быстро оделся и направился к выходу.

Ваня уже его ждал. Пашка подметил, что Жуков раньше никогда так быстро не одевался.

– Ну, чё там у тебя стряслось? – спросил он.

– Помнишь, ты меня спрашивал, есть ли у меня враг?

– Помню, а что? – По голосу друга Пашка понял, что «запахло жареным».

– Я должен, хоть умереть, но отомстить. Мне нужна помощь. Я не могу сделать это в одиночку: они опять поставят мою маму на счётчик, а я...

– Кто они? – Пашка перебил Ваню на полуслове. – Ты конкретней выражайся, иначе мне тебе трудно будет чем-нибудь помочь.

– Лёха Крутой и его мать, – выдавил из себя Ваня ненавидимые имена.

– И тебе он насолил? – воскликнул Пашка с нескрываемой радостью.

– Тебе, что ли, тоже? – удивился Ваня.

– А то нет! Эта дылда корчит из себя чуть ли ни Власте-

лина Колец, – выпалил Пашка, как из пулемёта. – Эх, Ванька, у меня уже руки чешутся! А чё он тебе сделал?

Ваня помолчал немного и рассказал всё: и про случай в буфете с разборками у Олега Петровича, и про счётчик, и про случай на ринге, и про «письмо к дедушке».

– Ну и сволочь! – сказал Пашка, когда Ваня закончил, и замолчал.

Какое-то время они шли молча, думая каждый о своём. Потом Пашка спросил:

– А у тебя план есть?

– Да я тут думал-думал и вспомнил историю знакомого моего дедушки. Когда он, ну, знакомый этот, учился в медицинском институте, у них по анатомии был очень вредный преподаватель.

– А анатомия, это что?

– Анатомия – это медицинская наука, которая изучает кости человека.

– Вот такая наука нам подходит: бабах костью по спине!

– Смотри-ка, догадливый какой! Не перебивай. Так вот. Этот вредный препод на экзаменах любил подбросить в воздухе какую-нибудь маленькую косточку, например, фалангу пальца, и пока она летела вверх и вниз, студент должен был вспомнить её название. Кто не отгадал, тому пересдача.

– Какая ещё пересдача?

– Пересдача – это двойка, то есть приходи опять экзамен пересдавать, чтобы двойку на тройку исправить, понял?

– Ну и гад этот препода был! – Пашка так возбудился, что комментарии насчёт учителей потекли рекой.

Ваня несколько раз пытался продолжить мысль, но куда там!

– Слышь, ну и чё там с тем преподам? – Пашка резко поменял тему, как будто и не говорил ничего.

– А, ну так вот, – обрадовался Ваня. – Нашлись находчивые ребята, которые после проваленного экзамена, подстерегли этого зануду в тихом месте, набросили ему на голову мешок, и большой берцовой костью, ну, самой большой костью бедра, надавали ему тумачков, приговаривая: «Какая косточка?»»

– Вот это приколы! – Пашка залился своим неповторимым смехом. – Вот это я понимаю ребята: «Какая косточка?» – Бамц по спине! – «Какая косточка?» – Бамц по плечу! Бабамц по чём попало! – Пашка так хохотал, что и Ваня не удержался. – Представляю, как этот гад визжал и просился: «Не бейте меня! Я больше не буду! Ой-ой, больно! Отпустите меня! У меня спина больная!»

– Спина у него больная! Да он на голову больной! – включился Ваня.

– Бабамц по голове! – тут же среагировал Пашка. – Ой, моя головка бо-бо! Ой, бо-бо! – Он схватился за голову и запрыгал вокруг Вани то на одной, то на другой ноге, изображая сыплющиеся на него удары. – Простите, помогите! Ой, больше не могу! Ой, умираю!

– Мальчик, что с тобой случилось? Что у тебя болит? – Озабоченный голос проходившей мимо тётки привёл заигравшихся друзей в состояние столбняка. – Я сейчас вызову скорую помощь, – сказала тётя и полезла в сумку за мобильником.

– Не надо! – завопил Пашка. – Не надо скорой помощи! Я совершенно здоров! Это я так, просто шутил!

– Это у него просто головка бо-бо, – добавил пришедший в себя Ваня.

– Ну и шуточки у вас, – буркнула рассерженная тётя. – Не дети сейчас, а чистые придурки!

Она запрятала мобильник в сумку и с недовольным видом пошла прочь, а Ваня с Пашкой обменялись многозначительными взглядами и одновременно прыснули от распивавшего их смеха.

– Говорил же я тебе, что ты чистый придурок, – еле выговорил Пашка, просто задыхаясь от смеха. – Говорил же тебе, а ты всё нет да нет!

– Сам ты такой! Только ты не чистый придурок, а грязный! Только посмотри на себя!

Пашка, когда прыгал на одной ноге, изображая избиваемого препода, не заметил, как вступил в грязь, и теперь его голубые джинсы были покрыты грязными пятнами.

– Чистый тебе голубой леопард! – хохотал Ваня.

– Придурок грязный, зато леопард чистый! – подхватил Пашка.

Его веселье не смогли омрачить даже испачканные джинсы, за которые ему влетит от тёти Оли.

Друзья так развеселились, что не заметили, как прошли Пашкин двор, и, к своему несчастью, наткнулись на прогуливающуюся с подружкой бабу Люсю.

– Ванька, ты чаво это заливайисся? – Скрипучий голос бабы Люси по воздействию можно было приравнять к удару берцовой костью по голове.

– А, чего? Что? – Ваня никак не мог прийти в себя после неожиданного столкновения.

– Чаво, чаво? Чаво ржёте, как кони, говорю? – взвыла баба Люся и приняла боевую позу.

– Так мы ничего, – опомнился Пашка. – Мы просто придурки, только он чистый, а я грязный, – Пашка показал на свои запачканные грязью джинсы и прыснул от смеха.

– Чаво, чаво? – проскрипела баба Люся. – Вот я матяри скажу, как вы со старшими-то разговариваете!

– А причем тут «матери скажу»? – возмутился Ваня. – Мы что, плохое что-то делали? Шли себе, смеялись, никого не трогали.

– Смялись они! – Голос бабы Люси стал ещё скрипучее. – Кони и то приличная смяютца! Был бы отец, выдрал бы как слядует!

– Эй, вы в семью нашу не лезьте! Это не Ваше собачье дело, – взорвался Ваня и по-петушиному вскинул голову.

– Клав, ты слышала? – завизжала баба Люся. – Эта безот-

цовщина мяня, порядочную женщину, собакой называет! Я этого так не оставлю!

Баба Люся визжала, Ваня огрызался в ответ, а хитрый Пашка сразу смекнул, что нужно рвать когти. Он тянул друга за рукав, но Ваня упирался. Он всё норовил накинуться на бабу Люсю. Пашка держал его изо всех сил и тянул за рукав.

– Ванька, пошли! Ты чего, обалдел с бабкой драться? Да пошли отсюда, говорю!

– Я аппарат, которым давление измеряют, спрячу! Помирать будете – не дам, – не унимался Ваня.

– Вишь, чё говорит! Я матеряи всё скажу, как ты со старшими разговариваяшь!

У бабы Люси в горле начало что-то клокотать, как у недорезанной курицы.

– Я тоже ей расскажу, *что* Вы о ней говорите! Она Вам помогает, а Вы, как змея подколотная, всё норовите её укусить.

– Люди-и-и! – Ещё пуще завопила баба Люся. – Он мяня змяёй подколотной назвал! Лю-юди! Караул!

С этими словами она кинулась на Ваню, размахивая руками, но в этот момент Пашке удалось, наконец, оттащить разъярённого друга от визжащей бабки. Подталкиваемый Пашкой в спину, Ваня вскоре оказался за углом дома.

– Вот и досмеялись! – сказал погрустневший Пашка, когда страсти немного улеглись.

– Да уж, – тяжело выдохнул Ваня.

– Слышь, а какой сегодня день, не пятница?

– Пятница, – подтвердил Ваня. – А что?

– Говорят же, кто в пятницу смеется, тот и плакать будет.

– Да суеверия всё это.

– Суеверия или нет, а факт – на лицо.

– Да уж, – снова тяжело выдохнул Ваня.

– Эй, ты! Мы с тобой, кажется, конкретное дело обсуж-

дать собирались.

– Да уж! – повторил Ваня, как заевшая пластинка. – Обсудили, что надо: и в скорую помощь чуть не попали, и в бабу Люсю вляпались!

– Кто она такая? – сочувственно спросил Пашка.

– Соседка, пропади она пропадом!

– Не завидую я тебе. Такую соседку врагу не пожелаешь...

Кстати, о врагах. Вот бы её на Лёху натравить.

– Хорошо бы было! Да как это сделать? Лёха у нас, сам знаешь, на людях, когда надо вид создать, мальчик вежливый, учтивый. Мечта бабы Люси!

– И не безотцовщина, – добавил Пашка.

– Да, кстати, даже наоборот: из порядочной семьи, точно такой, как баба Люся – «порядочная женщина».

– Точно, – улыбнулся Пашка, но смеяться уже не хотелось.

– Ладно, Пашка, – серьёзным тоном сказал Ваня, – ты подумай, что можно сделать, а при случае, обсудим.

– Ладно, – также серьёзно согласился присмиривший хо-

хотун и хлопнул друга по плечу. – Ладно, давай, созвонимся, – добавил он, развернулся на пятках и медленно пошёл домой.

Когда Ваня пришёл домой, мамы ещё не было. Это его обрадовало: не хватало ему ещё всяких разных там вопросов после бабы Люсиных разборок! На душе было тошно. Он переоделся и пошёл на кухню чего-нибудь перекусить. Открыл холодильник, достал колбасу и масло, налил в чайник воды и поставил его на газ. Пока чайник закипал, он успел отправить в рот два бутерброда и уже полез в шкафчик за печеньем, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Ванька, у меня мешок есть! – услышал он возбуждённый голос Пашки. – Мы ему мешок на голову натянем, шнур вокруг него обмотаем и на узелок завяжем! А потом «какая косточка?» – Пашка говорил сначала тихо, но потом не сдержался и закричал: – Мы ему: «Какая косточка, какая косточка?»

– Ты чего это, дружище, разбушевался перед сном? – услышал Ваня в трубке голос дяди Саши.

– Да это я тут фильм рассказываю, – находчиво соврал сын.

– Ты уж потише, будь добр, – удаляющийся голос папы уже был еле слышен в Ваниной трубке.

– Слушай, ты чего, дурак, что ли? Разве про секреты так орут? Хорошо хоть врать ты удал!

– Да—а, – протянул Пашка. – Головка точно бо-бо!

– Ладно тебе, а то опять заведёшься. Слышь, мешок мешком, а где мы его на Лёхину голову натянем? Не под школой же?

– Да что, мало мест укромных?

– А как ты его туда заманишь? Он же один никогда не ходит, забыл, что ли?

– Точно забыл. Да! Выходит, задачка наша – не простая?

– И голос должен быть Лёхе незнакомый, иначе мешок не поможет. От Лёхиной мамы ни в каком мешке не спрячешься.

– Значит, нам третий нужен?

– Выходит, нужен.

– А Вовка Иванов с бокса – парень надёжный и любитель приключений, сам мне рассказывал, – обрадовался Пашка.

– А он согласится?

– Откажется кому-то косточки помять? Не думаю. И чего тут гадать! У тебя телефон его есть?

– Нет.

– Вот облом! У меня тоже нет. Ладно, я подумаю. На крайний случай, нам же не горит?

– Не горит.

– Вот и ладненько. Главное, что мешок есть, – Пашка поставил жирную точку, подытожившую их важный разговор.

– Спасибо тебе, Пашка, – сказал Ваня и тихо добавил: – ты настоящий друг.

На другом конце провода раздался какой-то скрип, и об-

ладатель смирительного мешка тут же повесил трубку.

Как только Ваня положил трубку, раздался звонок в дверь. Он побежал открывать, но на пороге вместо мамы стояла... баба Люся.

– Мать позови, – сквозь зубы процедила она.

– А её дома нет, – отрезал Ваня и стал закрывать дверь, но не тут-то было: баба Люся ловко подставила ногу так, что дверь закрыть не удалось, и торжествующе сказала:

– Мал, да врать удал! – Голос непрошенной гостьи звучал победоносно. – Мать зови, сказала! Я тут не одна!

– Что, и бабу Клаву притащили? – съязвил Ваня.

– Ну, что я вам говорила?

На дверь надавили, и в открывшемся проёме появилась фигура участкового.

– Разрешите войти, – вежливо сказал он.

– Мамы дома нет, – растерянно ответил Ваня. – А что я такого сделал? – спохватился он, продолжая закрывать за собой вход в квартиру.

– А вот это мы сейчас и выясним, заодно и маму дождёмся, – сказал участковый и, отодвинув Ваню, вошёл в коридор.

Баба Люся, сопя, вошла вслед за ним.

– Где мы можем поговорить? – спокойно произнёс участковый, оглядываясь по сторонам.

– Проходите на кухню, – Ваня говорил тихо, стараясь скрыть нервную дрожь.

Участковый сел за стол, открыл свою папку, достал блок-

нот, ручку и стал задавать вопросы. Вопросы были самые обыкновенные: фамилия, имя, отчество, родители, чем занимаются, круг личных интересов, успеваемость в школе, чем занимался сегодня после школы.

Баба Люся, молча сидевшая всё это время, не удержалась и вставила:

– Шатался по улицам и приставал к порядочным людям. Чем ящё он мог заниматься?

– Гражданка Сёмочкина, – прервал её участковый. – Вы пока помолчите. Мне нужно мнения двух сторон выслушать. Ваше мнение мне уже известно.

– Скажите, Иван, – продолжал он, – вы называли гражданку Сёмочкину, извините, собакой?

– Нет, – сдавленным от волнения голосом ответил Ваня. – Я её спросил, какое её собачье дело.

– Ну, что я Вам говорила! – выпалила баба Люся, изнемогая от вынужденного молчания.

– А чего она нос свой в семью нашу суёт? – вспыхнул Ваня. – Зачем она без конца в глаза мне тычет, что у меня отца нет?

– А я правду говорю! Шатаются тут всякия... – Баба Люся недоговорила, вспомнив, что перед участковым нужно выглядеть «порядочной женщиной».

– Успокойтесь, гражданка Сёмочкина, мы сейчас во всём разберёмся, – попытался нормализовать обстановку участковый, но было уже поздно.

– И змьёй подколодной называл. – Старушенция придала своему лицу жалостливый вид.

– Она мою маму за глаза оскорбляет, а сама к ней, чуть голова заболит или сердце заколет, тут же за помощью бежит! – Щёки у Вани просто вспыхнули от возмущения. – Да, я сказал ей, что аппарат спрячу! Пусть подышает, а давление ей измерить нечем будет!

– Вот она безотцовщина! – завопила баба Люся. – Был бы отец, взял бы рямень да всыпал!

– Какое Ваше дело? Вы на себя смотрите, а не в замочные скважины! – Ваня так кричал, что от перенапряжения у него вены на шее вздулись.

Участковый был уже не рад, что попался на удочку бабы Люси, но не знал, как теперь из этой истории выпутаться.

На очередном «сопляке», выпущенном бабой Люсей, в дверном проёме появилась Ванина мама с перепуганным лицом.

– Что здесь происходит? – несвойственным для неё громким голосом спросила она.

– Танюшка, – баба Люся тут же переменяла тон. – Ванька твой совсем от рук отбилси.

– Что он сделал? – Ванина мама никак не могла понять, что происходит и переводила взгляд с соседки на участкового.

– Бабу Люсю со змьёй подколодной сравнил за то, что она в глаза к тебе добренькая, а за глаза тебя, как змея, кусает! –

выкрикнул Ваня.

– А почему здесь участковый? – не получив объяснений ни от сына, ни от соседки, мама обратилась напрямую к участковому: – Пожалуйста, объясните мне, что здесь происходит.

– Я по жалобе пришёл, разобраться.

– По какой жалобе? Кто заявитель?

– Вот, гражданка Сёмочкина, – участковый движением головы указал на бабу Люсю.

– Людмила Ивановна, это *Вы* привели участкового?

– Да, это *она*, – вмешался Ваня. – Лицемерка несчастная!

– Ваня, что ты себе позволяешь? – Мамин голос стал строг.

– А *она* что себе позволяет? Слышала бы ты, что она о тебе говорит своим подружкам! – Ваня не сдавался, он был полон решимости разоблачить лицемерную бабу Люсю.

– Я, пожалуй, пойду, – воспользовавшись возникшей паузой, участковый, поспешил раскланяться. – Жалоба рассмотрена, заявленные в ней факты не подтвердились.

Он поспешно направился к выходу, заявительница, сопя, засемила за ним следом, изображая неудовлетворение проведённым рассмотрением.

– Гражданка Сёмочкина, я уже во всём разобрался, у меня других дел по горло! До свидания, – добавил участковый, подойдя к двери, – простите за беспокойство. А вам, Иван, я всё-таки посоветовал бы выбирать выражения. Всего хоро-

шего.

Мама закрыла дверь за непрошеными гостями и, развернувшись лицом к Ване, как бы обессилив от всего происшедшего, прислонилась к двери.

– Ваня, что же это у нас с тобой происходит?

Ваня молчал.

– Тебя просто как подменили, – добавила мама, но ответа так и не последовало.

– Ванька, – голос Пашки в телефонной трубке звучал, как у настоящего заговорщика, – есть план.

– Ну, – недоверчиво протянул Ваня.

– Лёхин-то дом скоро на снос идёт.

– Ну, и причём тут план?

– Как причём? Это значит, что хоть Лёха и крутой, а мусоропровода у них в доме нет! – Пашкин голос вызвал что-то вроде вибрации в телефонной трубке.

– Нет, так нет, а план тут причём?

– Эх, какой же ты тормоз! Ты как себе думаешь, маменькин сынок Лёха выносит мусор хоть иногда?

– Думаю, выносит. И что?

– А то, что делает он это один, без своих специалистов. И это значит, что мы ему не только мешок, но и мусорное ведро на башку надеть сможем!

– Пашка, ты просто гений! – Ваню, наконец-то, прорвало. – Я тут себе все мозги сломал, но ничего придумать не смог. А ты – просто настоящий гений!

Пашка выдержал паузу. В трубке было слышно его довольное посапывание.

– Значит, нам теперь надо сесть в засаду на мусорке? – нетерпеливо продолжал Ваня.

– Значит, надо, – ответил Пашка тоном стратега крупного

масштаба. – Операцию назовем «Мусорка-1».

Ваня приснул:

– А что, думаешь, будет и «Мусорка-2»?

– А кто его знает? Ты, главное, не расслабляйся. Сегодня заступаешь на дежурство с пяти до восьми.

– А уроки? – Мститель, явно, не был настроен на такое стремительное развитие событий.

– А уроки возьмёшь с собой: одним глазом будешь в книжки смотреть, а другим Лёху выглядывать.

– Пашка, у тебя всё есть. А противогаза у тебя, случайно, нет?

– Это ещё зачем? – попался на крючок генератор идей.

– Там же воняет, и Лёха тогда уж точно не узнает.

– Ты, шутник! Я тебе для маскировки по фингалу под каждым глазом поставлю. Мама родная не узнает, не то, что Лёха! Не расслабляйся, я тебе сказал: мы вышли на тропу войны, а на войне не шутят. Шутки на войне жизни стоят, – очень серьёзно сказал Пашка и добавил: – Так мой папа говорит.

На другом конце провода замолчали. Ваня вдруг понял всю серьёзность затеянной им мести, и его маленькое сердце как-то не по-детски сжалось, но отступать уже было поздно: друг Пашка уже вывел его на тропу войны.

Разведка показала, что Лёха, действительно, выносит мусорное ведро, хоть и не регулярно. Ванина жизнь теперь преимущественно проходила на мусорке. Он надевал кепку с большим козырьком, надвигал её почти на нос так, чтобы лица видно не было, но чтобы можно было видеть проходящих сюда людей. В первый день дежурства на мусорке появилась баба Люся. Её появление Ваню не удивило, так как он знал о её слабости прогуляться с мусорным ведром по всем близлежащим помойкам. Ваня еле сдержал в себе желание запустить в скандальную старушенцию чем-нибудь, достойным её характера. Но подшутить над доставшей его бабкой он всё-таки решился.

Когда баба Люся высыпала содержимое своего ведра, тщательно постучав по краю контейнера, чтобы убедиться, что ведро пустое, и уже развернулась, чтобы идти домой, Ваня, закрыв нос пальцами, позвал низким гундосым голосом: «Люся!»

Баба Люся вздрогнула и торопливо оглянулась по сторонам. Никого не увидев, она зачем-то заглянула в своё ведро, как если бы голос мог исходить оттуда, и сделала несколько шагов в сторону своего дома, но тут опять до неё донёсся гундосый зов: «Лю-ю-ся!»

– Свят, свят, свят! – испуганно произнесла скандалистка,

оглянулась и торопливо перекрестилась.

Но в этот момент Ваня, уже вошедший в роль, по-волчьи завыл: «Лю-ю-ся!»

От неожиданности старуха бросила ведро и начала бежать. Потом резко остановилась, побежала назад, схватила ведро и газанула прямо с места, куда там иномарке! Она бежала, не оглядываясь, а Ваня выл ей вдогонку, давясь от смеха: «Лю-ю-ся! Лю-ю-ся! Лю-ю-ю-ся!»

Случай с бабой Люсей был хорошим знаком. Теперь дежурство на мусорке стало Ване в удовольствие. Он представлял себе, как будет рассказывать Пашке про «страхование», которое он устроил зловредной соседке на мусорке, а Пашка будет заливаться своим неподражаемым смехом. Ваня так размечтался, что чуть не пропустил появление своего врага.

Было пять часов вечера. Видимо, Лёха выносил мусор перед тем, как отправиться гулять. Он был один, и Ваня чуть было не открыл рот, чтобы пугнуть и Лёху, но вовремя опомнился: *не это* было его целью. Да и Лёха – это не баба Люся: в следующий раз он будет выносить ведро в окружении своих специалистов, а вот это-то нужно было Ване меньше всего.

На следующий день Лёха не появился. Вместо него на мусорке появился «красноротый шкаф». Ваниному возмущению не было предела.

«Что же это ты, такая крутая, а сыночка вынести ведро заставить не можешь! – думал он про себя. – Занят он у тебя очень? Конечно, единственный сынок! „Всё, что имела, всё»

в него вложила!“ – вспомнилась реплика в кабинете директора. – Ну, подожди, шкаф, мы твоё „вложение“ так отметелим, что не сразу и узнаешь!»

Как Ване хотелось подбежать и дать сзади пинка удаляющемуся «шкафу», воспитавшему такого многоценного сыночка! Но он не мог дать воли своим чувствам. Ему нельзя было открывать себя. С этим врагом в ратном бою драться было невозможно. Методы честного боя здесь были неприменимы. Но Ваниной вины в этом не было: правила боя устанавливала сторона противника. Зато на сегодня дежурство было закончено.

Самый прикол случился на следующий день. На мусорке появилась баба Люся в сопровождении подружки бабы Клавы.

– Слышь, Клав, вот тут это было. Я так спокойнянько ядро вытряхнула и уже идтить хотела, а оно вдруг загробным голосом: «Люся!»

– Помолчи ты, – перебила взволнованную подругу баба Клава. – Давай-ка послушаем.

Две бабки замерли, держа в руках полные мусорные вёдра. Но, как они ни прислушивались, ничего подозрительного не услышали.

– Померещилось тебе это, – сделала своё заключение баба Клава.

– Да я что, сумасшедшая, что ли? – возмутилась баба Люся. – Да если бы это один раз было, а то вдогонку мне всё

звало и звало, Люся да Люся, аж кровь в жилах стыла!

– Ну, не знаю, – продолжала баба Клава тоном знатока в таких вопросах, выбрасывая мусор в контейнер. – А я бы тебе всё-таки посоветовала сходить к врачу и рассказать об этих галлюцинациях.

– Галлюци-нациях? Тьфу, язык сломаяшь! Ты чё это, Клава, сярёзно? Думала ты понять в состоянии, а ты, атеистка безмозглая! – Баба Люся разошлась не на шутку.

– Ты чего это себе позволяешь, дура старая, – прорвало и бабу Клаву. – «Верущая» нашлась! Ты когда последний раз в церковь ходила?

– Завтра отчёт тебе принясу! – Баба Люся забыла, что у неё в руках мусорное ведро, и замахнулась на подругу.

Картофельные очистки посыпались из ведра, и какая-то скомканная бумажка упала на бабу Клаву.

– Совсем ненормальная! – закричала она. – Да по тебе точно психушка плачет! Иди, неси своё ведро, полоумная! Голоса она слышит, видите ли. И не удивительно!

– Пошла отсюда, выдра старая! – Не осталась в долгу и баба Люся. – Иди-иди, а то этот мусор на голову тебе и высыплю! Поди, мозгов прибавится!

– Люди, на помощь! Люська совсем с ума сошла!

С криком «помогите!» баба Клава маленькими шажками из-за больных ног спешила скрыться с поля боя, на котором подруга, вооруженная полным мусорным ведром, имела значительное преимущество.

– Давай-давай отсюда! – Кричала ей вдогонку разъярённая баба Люся. – Умница нашлась!

Баба Клава скрылась из виду, а довольная победительница подошла к контейнеру, но не успела она и ведро опрокинуть, как вдруг из-под земли, послышался гундосый голос:

– Лю-юся, я пришёл за тобой!

Насмерть перепуганная бабка бросила ведро, и мусор, не успевший высыпаться в контейнер, посыпался на неё. Но бедняге было не до этого: сломя голову, бежала она прочь от мусорки с криками о помощи.

Ваня был доволен. Ему не было даже смешно. Он просто чувствовал необычайное удовлетворение от свершившейся мести.

Это была уже третья засада. Вовка Иванов, Пашка и Ваня уже третий день в полной боевой готовности сидели в назначенное время каждый на своём месте. Наблюдательный пост был у Пашки. Ваня и Вовка, в тёмных очках и низко спущенных кепках, по его сигналу должны были выскочить из засады. Первым должен был выскочить Вовка, которого Лёха не знал, а потом уже Ваня. Вовка должен был набросить мешок на голову Лёхе, а Ваня обкрутить Лёху верёвкой и завязать. Пашке предстояло, подойдя сзади, прижать Лёхе руки к туловищу, пока Ваня не стянет их верёвкой.

Первая засада окончилась провалом. Когда Лёха появился на мусорке, там уже кто-то был. Вторая засада тоже закончилась ничем – Лёха на мусорке так и не появился. Третья засада тоже, похоже, была, по определению Пашки, «коту под хвост», потому что начался дождь. Не дурак ли Лёха под дождём мусор выносить!

Заговорщики уже хотели расходиться, когда из пункта наблюдения донёсся приглушённый, но полный решимости Пашкин голос:

– Внимание! Под зонтиком.

Прошла минута, показавшаяся вечностью, и из наблюдательного пункта поступила команда: «Начали!»

Вовка рысью выскочил из своего укрытия. Зонтик в их

планы не входил, поэтому заранее приготовленный для надевания на голову мешок сразу использовать не удалось. Вовка вырвал у Лёхи из рук зонтик, а подоспевшие Пашка и Ваня обхватили Лёху сзади, пока Вовка готовил мешок.

Лёха пытался вырваться, но мешок, отработанными движениями Вовкиных рук, скользнул по Лёхиным плечам. Дальше была минута запланированной возни, связанной с завязыванием мешка. Лёха и выскочить не успел, как оказался в мешке. Лежавшие поблизости, заранее приготовленные дубинки быстро оказались в руках мстителей, и удары посыпались, в первую очередь, на Лёхино мягкое место. Мстители договорились сильно «объект» не колотить, чтобы не было «вещественных доказательств».

– Какая косточка? – протянул Пашка басом.

– Это тебе за папу, это тебе за маму, а это за всех, кого ты незаслуженно обидел, подлая твоя душа. – Произнести слова приговора поручено было Вовке, так как Лёха не знал ни его самого, ни его голоса.

Приговорённый беспомощно топтался по рассыпанному мусору, пытаясь отбиваться ногами. Иногда ему удавалось попасть по кому-нибудь из атаковавших, но за это он получал ответный удар по ногам, а вернее, по бёдрам.

Приведя приговор в исполнение, мстители бросились врассыпную, оставив связанную жертву на мусорке с мешком на голове. К своему большому сожалению, они не видели, как Лёха выбирался из своей ловушки, натыкаясь на кон-

тейнер с мусором. Долго ли, коротко ли пришлось ему пребывать в мешке, и кто его освободил, они так и не узнали, потому что Лёха об этом молчал, и явления «красноротого шкафа» в школу не было. Но через несколько дней, когда Ваня зашёл в свой подъезд, он увидел свежую надпись на стене. В ней было только два слова, и он всем своим нутром почувствовал, что эти слова были адресованы ему. На стене было написано: «ТЕБЕ КОНЕЦ».

Вернувшись в класс после большой перемены, Ваня стал готовиться к следующему уроку: достал книжку, тетрадку, дневник и уже полез в сумку за пеналом, как вдруг его внимание привлекла бумажка, торчавшая из дневника. Он не помнил, чтобы что-то клал в дневник. Поставив рюкзак на сидение, он открыл дневник. Лежавшая там бумажка была, действительно, не его. Это была отскерокопированная самодельная открытка, подписанная красивым аккуратным почерком:

– Дорогой друг! – прочитал он. – Приглашаем тебя на день рождения нашего Хэрри (не удивляйся: именно так звучит его имя на английском). Этот волшебный вечер доставит тебе необыкновенное удовольствие.

Дальше был указан адрес и место проведения вечеринки. Адрес был обыкновенный, а вот место встречи – не совсем: *«у входа в подвал первого подъезда дома №8».*

Сначала Ваня подумал, что это «привет» от Лёхи и идти туда ни в коем случае нельзя. Но вторая мысль стала приводить совсем другие аргументы:

«Причём тут Лёха? Это просто собираются фаны, и почему бы ему, Ване, не пойти и не посмотреть. Подвал? Ну и что? А где же ещё им собираться? Нет, нужно обязательно сходить и Пашку с собой взять».

Но как раз на этой последней мысли, Ваня увидел внизу открытки приписку: *«Форма одежды – парадная. С собой никого не приводить».*

«Почему это не приводить?» – подумал он, уже готовый разорвать открытку на кусочки.

«Конечно же! – Последовавшая за этой мысль уже спешила подбодрить и успокоить. – Так таинственнее! Это же не кружок по вырезанию лобзиком по дереву, а клуб фанов самого известного волшебника! Там всё должно быть необычно и покрыто тайной».

Ваня несколько раз перечитал свою находку. Текст был заготовлен заранее, а для даты и времени проведения был оставлен пробел, который был заполнен другим почерком. До дня рождения оставалось два дня. Желание воспользоваться приглашением всё больше и больше охватывало его. Он никак не мог сосредоточиться на уроке, так как мысли уносили его в таинственный подвал, где совсем скоро дети, полюбившие волшебника в круглых очках, будут праздновать день его рождения.

Единственное, что омрачало желанное будущее, было требование внести 200 рублей в качестве членского взноса. Таких денег у него не было, и взять их было неоткуда, разве что у мамы. Ваня знал, где мама хранит деньги, она никогда их от него не прятала. Но эта мысль сразу стала ему противной. Украсть у мамы? Нет, этого он не мог. Лучше, он одолжит эти деньги у Пашки, а потом потихоньку отдаст, сэкономив

на завтраках. Да, решено. Пашка даст, у него с деньгами проблем нет.

Успокоившись этой мыслью, Ваня хотел уже было переключиться на урок, но тут прозвенел звонок. Увлеченный своими мыслями, он и не заметил, как прошло сорок пять минут. Хорошо, что его не вызвали, а то бы ещё одна «птица лебедь» поселилась в дневнике. А мамины вопросы без слов уже сидели у него в печёнке.

В раздевалке он наткнулся на Пашку.

– Пашка, как здорово, что я тебя встретил!

– Ты чего это такой возбуждённый? – удивился Пашка.

– Я не могу тебе сейчас ничего рассказать.

Пашкин взгляд был так красноречив, что Ване пришлось дать хоть какие-то объяснения:

– Я тебе всё расскажу, но потом, через два дня, а сейчас мне позарез нужны 200 рублей. Выручи, пожалуйста. А я тебе потом по частям отдам.

– А-а-а, – протянул Пашка разочарованно и полез в рюкзак за кошельком. – Мне тут как раз на диск дали, ну да ладно. Раз тебе так нужно, возьми.

– Спасибо, Пашка. Ты – настоящий друг! – Ваня взял деньги и поспешно запихнул их в задний карман джинсов. – Я побежал, потом всё расскажу.

Ваня спешил уйти, чтобы не проболтаться. Ему казалось, если тайна будет нарушена, то день рождения не состоится, во всяком случае, для него.

Наступил долгожданный день, но ещё нужно было дожить до вечера. Была суббота.

В школе уроки тянулись, как серые безрадостные осенние дни, непрерывным дождём отбивающие всякий интерес к жизни. Потом были разборки с мамой, вернее, с её приставаниями пойти на вечернюю службу в церковь. И чего только Ване не пришлось придумать, чтобы отговориться. Если раньше она особо и не приставала, то сегодня, как назло, ей непременно нужно было сводить сына в храм.

Наконец угрюмая мама ушла, а Ваня бросился к шкафу, чтобы из своего небольшого гардероба достать то, что могло бы сойти за «парадную форму одежды». Когда он оделся и посмотрел в зеркало, то понял, что выглядит обыденно, а случай-то был *необыкновенный*. Ещё раз порывшись у себя в шкафу, он полез в мамин и, наконец, нашёл там оригинальный шарфик, который нужно было как-то по-особому повязать. Ваня трудился изо всех сил, пока шарфик не стал тем, чем он должен был стать по его замыслу. Теперь он выглядел, если уж и не парадно, то, во всяком случае, и не обыденно.

Пока приглашённый возился с шарфиком, время убежало, как вскипевшее молоко. Ваня глянул на часы и ахнул – до назначенного времени оставалось всего лишь 30 минут, а он ещё дома!

Ваня вихрем вылетел из квартиры и, не дожидаясь лифта, понёсся вниз, перепрыгивая, где через одну, а где и через несколько ступенек. Из подъезда он вылетел, как пуля из обоймы, и чуть не налетел на бабу Люсю, которая с поникшим видом и перевязанной мокрым платком головой возвращалась с прогулки домой.

Вопреки своему обыкновению, баба Люся не стала вопить вслед чуть не сбившей её с ног «безотцовщине», а просто тихо чертыхнулась.

«А, уроки на мусорке не прошли бесследно,» – подумал Ваня и тут же забыл про бабу Люсю, потому что мысли его были о другом.

Наконец он оказался у подвала, указанного в приглашении, и до назначенного времени было ещё минуты три. Ваня стоял, переминаясь с ноги на ногу, но никто так и не появился. Прошло пять, десять минут – никого. В груди заныло от плохого предчувствия, а во рту пересохло от осознания того, что это не что иное, как Лёхина приманка, и он, как глупый карась, с такой лёгкостью попался на неё.

Ваня уже сделал шаг, собираясь уйти, но в этот момент из проёма двери подвала показалась фигура в лиловой накидке с капюшоном, накинутым на голову. Ваня присмотрелся и чуть не ахнул: у Лилового не было лица!

«Бежать отсюда!» – пронеслось в голове, но ноги не слушались, потому что действительно сделались, как ватные.

Образовавшаяся пауза была прервана странной фигурой

в капюшоне, хриплый голос которой показался знакомым:
– Дорогой гость, спускайся, тебя уже ждут.

Леденящий душу страх сменился горячей волной, обдавшей Ваню с головы до пят.

«Развернуться и уйти, пока не поздно», – командовал голос рассудка, но любопытство шептало своё:

«Нет, надо остаться и посмотреть, *что* же всё это значит».

Ваня попробовал приподнять ногу – нога повиновалась.

«Раз пришёл – нужно идти до конца», – успокоил он себя, и сделал шаг, затем ещё один и ещё вниз по ступенькам.

Лиловый юркнул в проём подвала, как только приглашённый стал спускаться, но когда последняя ступенька осталась позади, Ваня оказался лицом к лицу с проводником. Теперь он понял, почему ему показалось, что под колпаком не было лица: на голове под капюшоном был чулок. Вот и сплюснутый нос, и нечёткая линия рта, и скрывающие глаза ресницы, прилепившиеся к чулку.

– Я должен надеть тебе на глаза повязку, – произнёс хриплый голос. – Не бойся, это просто ритуал, – добавил Лиловый, заметив волнение гостя.

Ваня повиновался.

В совершенной темноте, держась за руку таинственного проводника, неуверенными шагами он пошёл навстречу тайне, которую подготовил ему волшебный друг.

Шли они минут пять, петляя по узким коридорам пропахшего сыростью подвала, и, наконец, остановились. Быстрое

движение руки – и повязка слетела с Ваниных глаз, но то, что он увидел, превзошло все его ожидания.

Перед ним был не заброшенный сарай, а *целый мир*, наполненный людьми и тайной. Первым бросился в глаза большой плакат, на котором яркими готическими буквами было написано: «Добро пожаловать в мир магии и волшебства!»

Плакат был хорошо освещён светом факела, отбрасывавшего языки света на присутствующих в помещении людей, но лица их скрывались под масками. Здесь были и младенцы, и животные, и даже шаман. Конечно, рассмотреть все маски сразу было просто невозможно!

На другой стене, освещённой светом толстой свечи, висело что-то вроде настенной газеты под заголовком: «Набор в школу волшебников продолжается». У Вани даже перехватило дыхание: сколько в этой жизни интересного, а мама посадила его в какой-то искусственный мир, оторванный от настоящей жизни! Сколько он уже потерял! Сможет ли он теперь наверстать упущенное!

– Профессор-невидимка скоро закончит сводку последних новостей, – раздался хриплый голос у самого уха.

Только теперь Ваня услышал монотонный голос, но, оглядев помещёние, не увидел никого, кому он мог бы принадлежать.

– А почему он невидимка? – спросил он у своего проводника.

– А ты забыл? – Лицо под маской улыбнулось. – Так он же

не заметил, как умер: пошёл однажды на урок, а тело так и осталось сидеть у камина в учительской.

Ваня не верил своим ушам, но голос профессора-невидимки он, действительно, слышал.

– В марте этого года, – продолжал профессор, – журнал The Book Magazine запустил он-лайн, чтобы выбрать величайшего британского автора из ныне живущих. Так вот, голосование подошло к концу, и по его результатам рейтинг лучших возглавила Джоан Роулинг! Она набрала в три раза больше голосов, чем автор, занявший вторую позицию, Терри Претчет. Поздравляем Джоан!

Что тут началось! Маски оживились, заулюлюкали, некоторые обнимались и целовались. Группа масок стала скандировать какие-то слова на английском. Лиловый наклонился к Ване и спросил:

– Ты рад?

– Да, – солгал Ваня, потому что никакой особой радости не ощущал. – Я только не могу понять, как литературный персонаж может поздравлять своего автора. Он же выдуманный!

– Настоящая *магическая* литература тем и отличается от литературы маглов, что она материализует вымысел, – многозначительно произнёс проводник.

Ване было очень жаль, что он не мог видеть лица своего собеседника в тот момент, когда он говорил о магической литературе. У него появилось предположение, холод-

ком пробежавшее по позвоночнику, и он спросил:

– А ты тоже материализовавшийся вымысел?

– Я? Нет, я выпускник школы волшебников, – и Ваня снова пожалел, что не видит выражение лица говорящего.

К этому моменту шум стих, учитель-привидение тоже замолчал, и все маски стали рассматривать Гостя, единственного в этой компании с открытым лицом.

– Уважаемое собрание! – На этот раз заговорил Лиловый. – Сегодня у нас может появиться ещё один новорождённый.

– Пусть представится, – выкрикнул кто-то из присутствующих.

– Расскажи о себе, – услышал Ваня шёпот прямо в ухо.

Гость растерялся, так как совершенно не был готов к такому повороту событий.

– Я Иван Жуков, – неуверенно начал он. Прошло несколько секунд, все присутствующие ждали продолжения. – Люблю вашего Хэрри, – добавил Ваня и замолчал.

– А сколько книг ты прочитал?

– Пока только одну, – окончательно смутившись, ответил Ваня.

– Прочитал одну книгу? – зашумело собрание. – И ты его привёл?

– Минуточку! – Фигура в лиловом подняла руку, и все тут же замолчали. – Этот мальчик живёт в тяжёлых условиях. Его мать не просто маг, она из антимира. У него не было

возможности, как у вас, читать наши любимые книги. То, что он вырвался оттуда, *уже* делает ему честь.

– Я прошёл все уровни в игре по первой книге! – Поспешно, как первоклашка на своём первом в жизни уроке, добавил Ваня.

Голос его звучал так, как если бы он оправдывался, и ему стало стыдно за себя, но собрание одобрительно зашумело.

– Тебе виднее, Старший, – сказал кто-то из масок.

– Давайте начинать, – сказал кто-то ещё.

«Ну, наконец-то начнётся день рождения», – с облегчением подумал Ваня, но не тут-то было.

Маска шамана достала бубен и стала ритмично выступать какой-то мотив. Припев скандировали все вместе: «Хэрри, о Хэрри, рождение в Хэрри». В руках у некоторых появились зажжённые сандаловые палочки, и помещение тут же наполнилось сладким ароматом.

Из числа присутствующих поднялась фигура и спросила испытуемого очень торжественным женским голосом:

– Готов ли ты родиться в Хэрри?

– Хэрри, о Хэрри, рождение в Хэрри, – скандировал зал.

Ваня молчал. Он ничего не понимал, и ему было как-то не по себе.

– Хэрри, о Хэрри, рождение в Хэрри, – ещё громче, в каком-то исступлении, скандировали маски.

– Готов ли ты родиться в Хэрри? – Ещё с большим напором повторил женский голос.

Совершенно растерявшийся Ваня только и нашёлся, что спросить:

– А что для этого нужно?

– Для этого нужно не бояться переступить черту! – Ещё торжественнее произнёс женский голос под аккомпанемент скандирующего собрания:

– Хэрри, о Хэрри, рождение в Хэрри.

– Готов ли ты родиться в Хэрри? – У самого уха испытуемого раздался вопль Шамана.

Ваня по-настоящему испугался и сказал: «Да».

– Он готов! – взвыл Шаман.

– Хэрри, о Хэрри, рождение в Хэрри, – подхватило собрание.

– Дорогу Клятвеносителю, – объявил тот же женский голос.

Сидевшая под факелом фигура с непонятной маской на лице поднялась и двинулась по направлению к рождающемуся. В руках у неё был свёрток.

Ваня никак не мог понять, что означала маска Клятвеносителя: какие-то очки, но чтобы это могло значить? Только когда маска подошла близко, он понял, что это была маска совы.

Всё это время Шаман выстукивал в бубен одни и те же ритмы, а маски, раскачиваясь в ритме ударов бубна, продолжали скандировать.

– Рождение в Хэрри означает доступ к специальным

знаниям, – многозначительно произнёс Лиловый, которого здесь называли старшим.

«Специалисты? – От этой догадки Ваню бросило в пот, но он тут же поспешил успокоить себя. – Разве могут Лёха и его шавки интересоваться чем-нибудь стоящим?»

– Наш Хэрри – это дверь, через которую можно войти в мир тайных знаний и волшебства.

Мысль о двери показалась до боли знакомой, но Ваня был так взволнован, что вспомнить, где он мог это слышать, ему не удалось.

– Готов ли ты, Иван Жуков, сбросить с себя кору заблуждений и примитивизма мира маглов, и отдать нашему кумиру свою душу? – Хриплый голос звучал ещё громче и весомее.

– *Что* значит отдать душу? – Испуганным голосом прервал Ваня хрипкое вещание.

– Ну, что ты испугался? Не хочешь, не отдавай. Просто Хэрри *лучше* знает, на *что* употребить твои способности. Кстати, ты принёс деньги?

– Да, – ответил Ваня и достал из кармана двести рублей.

– Часть этой суммы пойдёт на покупку чьей-то души, – продолжал Лиловый, – а если ты пройдёшь ритуал, то оставшаяся часть вернётся к тебе в той или иной форме.

– Я ещё не решил, – сказал Ваня, и, покраснев, опустил голову.

Бубен, замолчавший на время разговора, ударил снова,

и маски, как бы проснувшиеся от короткого сна, закачались в такт его ударам и продолжили скандировать свою мантру.

Так продолжалось не больше минуты, после чего Клятвеноситель передал свиток, сидевшей перед ним маске, которая развернула его так, чтобы было удобно читать написанный на свитке текст.

Клятвеноситель взял рождающегося за запястье левой руки и приглушённым голосом сказал: «Повторяй за мной».

В помещении воцарилась гробовая тишина.

– Клянусь, верой и правдой служить Хозяину, – почти что шёпотом, но очень отчетливо произнес Клятвеноситель.

– Клянусь, верой и правдой служить Хозяину, – повторил Ваня дрожащим голосом.

– Клянусь, верой и правдой служить Хозяину, – повторил громкий хор возбуждённых масок.

– Всегда и везде отстаивать честь нашего общества.

Ваня повторил и эти слова, которые ещё возбуждённее повторило собрание.

– Свято блюсти интересы нашего Отечества и выходцев его.

На этих словах голос Вани зазвучал более уверенно.

– Огнём и мечом карать отступников.

– Огнём и мечом карать отступников. – На этих словах голос Вани дрогнул опять, но его смятение заглушил единодушный хор масок:

– Огнём и мечом карать отступников.

– Наше дело – великое дело Повелителя!

Ваня почувствовал прилив тошноты и лёгкое головокружение, но губы его механически повторили слова, сказанные Клятвеносителем.

Последние слова клятвы, в отличие от предыдущих, Клятвеноситель проревел под раскатистые звуки бубна:

– Да восторжествует власть Тёмного Лорда!

Ваня встрепенулся и хотел было вырвать свою руку из руки Клятвеносителя, но, в тот же момент, почувствовал острую боль в пальце, который сдавили и приложили к листку свитка под неистовый рёв избранных:

– Да восторжествует власть Тёмного Лорда!

Не успело отзвучать последнее слово, как помещение наполнилось криком младенца.

– Свершилось! – прокричал Клятвеноситель.

Ваня увидел, что на списке было много таких кровавых отпечатков пальцев, какое только что было поставлено его рукой. Клятвеноситель обвёл его отпечаток линией в форме сердца, пронзённого таким же знаком, как и на лбу у их кумира, и подписал: «Новорождённый №13».

Клятвеноситель медленно свернул свиток и торжественным шагом удалился на своё место под факелом.

– Поздравляю, – услышал Ваня хриплый голос своего лилового сопроводителя и попытался изобразить на своём лице нечто вроде улыбки. – Теперь ты полноправный член нашего закрытого клуба и носитель маски новорождённого.

К Ване подошла маска кота и надела на него маску кричащего младенца. Ваня продолжал пребывать в состоянии шока.

– Глянь-ньте, какой у этого Новор-рождённого нехилый прикид, – мягким мурлыкающим голосом проговорила маска кота. – В таком прикиде хоть... убивать.

Ваня не разобрал произнесенного имени, но последнее слово вывело его из состояния шока:

– Никого я не буду убивать! – закричал он.

– Да кто тебя мр-просит, – невозмутимо промяукала маска кота. – Это было бы слишком большой, мр-р-р-честью для новор-рождённого.

– Новорождённый номер 13, – услышал Ваня хриплый голос, – тебе нужно понять, что теперь ты находишься в другом мире. Этот мир наполнен реальностями вымышленного мира волшебства, и их нужно воспринимать спокойно. Тем более, что тебе повезло: ты родился в Хэрри накануне юбилея смерти...

– Какой смерти? – Насмерть перепуганный Ваня не дал хриплому голосу договорить.

– Сразу видно, что он недоумок, – выкрикнул кто-то из масок. – А вы его ещё в новорождённые!

– ... Видишь, Новорождённый номер 13, – спокойно продолжал Лиловый, – ты просто не читал всех книг. В этом вся проблема. Но это поправимо.

– Библиотекарь, – он повернулся к маске с длинной бе-

лой бородой, сидевшей рядом с Клятвноносителем, – принеси младенцу книгу, которую он прочитает и вернёт на юбилее смерти Почти Безголового Ника.

– А где наш бедн-няжка мр-Ник? – замурлыкал Кот. – Его здесь н-нет. Он, навер-рное, опять н-носитя со своей головой. О, новор-рождённый! Если бы ты видел этот мр-р шokol-лад ка-азни, ты бы совсем-м не так р-реагировал!

– Какой ещё шоколад? – Переспросил Ваня, чувствуя, что тошнота уже начала подступать к горлу.

От спёртого воздуха подвального помещения, наполненного ароматами сандаловых палочек вперемешку с запахом сырости у него закружилась голова.

– Совсем тём-мный Новор-рождён-ный, – промяукал Кот. – Ну, это пр-росто отстой! Шо-ко-л-лад, – по слогам добавил он, – это совер-ршен-нство. Так вот, если бы ты видел этот шokol-лад ка-азни, когда бедному мр-Нику сорок пять р-раз ударили тупым топор-ром по шее, но так и не см-могли обезглавить окончательно, ты бы так н-не реагир-ровал.

– Можно мне уйти? – спросил Ваня, опасаясь, что его стошнит прямо здесь.

– Можно, – ответил Лиловый. – Только ты должен запомнить дорогу, ведущую сюда. В следующий раз ты придёшь сам.

– А как я буду знать, когда приходить? – спросил Ваня по инерции, потому что не собирался никогда больше появляться в этом подвале.

– Тебя пригласит тот, в кого ты родился, – Хриплый голос зазвучал не только многозначительно, но и загадочно. – Только запомни: на юбилей ты должен прийти один.

Кот взял Ваню за руку и повёл узкими коридорами прочь из клуба обладателей специальными знаниями, к которым теперь принадлежал и он, Новорождённый №13.

Ваня шёл домой, не совсем соображая, кто он и что с ним произошло. Он пробирался через свои смутные воспоминания, как сквозь густой туман. Тошнота не проходила, и на душе было нехорошо. Картины из недавно происшедших событий проносились перед его мысленным взором непоследовательно. Это было, как в кино. Ему вообще стало казаться, что всё это происходило не с ним. Может, он вообще спит, и ему всё это просто снится? Нужно постараться проснуться и вздохнуть с облегчением.

«Аз есмь дверь». – Эти слова, как молния, пронзили всё Ванино существо, и он вспомнил, *что* ему напоминали слова, сказанные Лиловым: «Наш Хэрри – это дверь, через которую можно войти в мир тайных знаний и волшебства». Первой дверью был Христос, второй дверью стал «наш Хэрри». Так куда же он, Ваня Жуков, вошёл?

Посмотрев на свой палец, который ещё немного саднил, он с ужасом понял, что не спит: капелька запекшейся крови была именно в том месте, где ныл палец. Он подписался кровью. Такие жертвы Богу не приносятся.

«Воздеяние рук моих – жертва вечерняя», – вспомнились слова молитвы, и запутавшееся в невидимых сетях сердце сильно заныло. Зачем он пошёл туда? Кто были эти люди? Зачем они собираются в этом подвале? Какому Хозяину они

служат? Что это за дело Повелителя? Власть какого Тёмного Лорда должна восторжествовать?

«Дурак! – Ваня ругал самого себя. – Зачем я давал эту клятву? Я же мог не повторять дурацких слов этой клятвы! Кто меня тянул за язык? Разве они могли бы заставить меня произнести слова клятвы, если бы я молчал?»

Ваня снова увидел ряды масок, тускло освещённых прыгающими языками пламени факела, почувствовал резкий запах зажжённых сандаловых палочек и понял, *кто* его тянул за язык. Это было его собственное *тщеславие*. Он боялся выглядеть смешным в глазах устремлённых на него масок, и он сделал то, чего не хотел, лишь бы не упасть в грязь лицом перед ними. А что если та грязь, в которую он влип, благодаря своему тщеславию, в тысячу раз хуже нескольких минут осмеяния и оскорблений, которые закончились бы одновременно с выходом из подвала? Чем теперь ему смыть грязь, запечатлённую собственной кровью?

С этой мыслью Ваня зашёл в дверь своего подъезда, но не стал подниматься на лифте, а пошёл пешком. Ему очень хотелось надеяться, что физическая тяжесть подъёма снимет с него духовную тяжесть, которую он собственными руками возложил на свою душу. Но, остановившись перед дверью своей квартиры, он понял: в его жизни произошло что-то очень серьёзное. Это что-то изменило и его самого и его жизнь.

Мама была уже дома. Ваня хотел проскользнуть незаме-

ченным в свою комнату, но она вышла ему на встречу. Пристально посмотрев на сына, она настороженно спросила:

– Ваня, где ты был?

– Где я был, там меня уже нет.

– Я серьёзно спрашиваю.

– А я серьёзно отвечаю.

– У меня на душе беспокойно сегодня весь день. Я даже раньше ушла со службы, искала тебя в нашем дворе, в соседних дворах, но нигде не нашла, и тебя никто не видел. Я даже позвонила твоему Пашке, но он тоже не знал, где ты можешь быть. Скажи мне, где ты был?

– Я был на дне рождения хорошо известного тебе английского мальчика, – Ваня сказал правду, сам не понимая почему.

– Что? На каком дне рождения? Что ты говоришь? Почему ты меня всё время обманываешь?

Ваня улыбнулся. Это было действительно смешно: если бы он соврал, ему поверили бы больше.

– Мама, прошу тебя, не спрашивай меня ни о чём, – тихо, но очень проникновенно попросил он. – Я пошёл туда, куда меня позвали, сделал то, чего не хотел, и теперь уже ничего изменить нельзя. Мне нужно выспаться. Может быть, завтра всё будет по-другому, но сегодня у меня просто нет сил.

Мама смотрела на Ваню широко открытыми глазами. Она ничего не понимала.

– Боже мой! Когда же закончится этот кошмар? – Только

и сказала она и быстрым шагом направилась к себе в комнату.

Ваня тоже зашёл к себе, плотно закрыл дверь и начал медленно раздеваться. Он думал только о постели. Ему хотелось поскорее оказаться под одеялом, уткнуться носом в подушку и провалиться в забытие, чтобы поскорее забыть обо всём, что с ним произошло, но дверь его комнаты отворилась, и на пороге появилась мама с каким-то журналом в руках.

– Вот я сегодня купила журнальчик для фанов твоего английского кумира. – Мамин голос прерывался от волнения. – Ты только посмотри: «Не Гарри единым». Как тебе этот заголовочек?

Ваня молчал.

– Здесь перечисляются книги, которые читает Дэн, чтобы глупые дети, которые не читают ничего, кроме книг о твоём любимом английском мальчике, знали, какие книги им *можно* ещё почитать, чтобы приобщиться к книжной мудрости «от Дэна», потому что он исполнитель главной роли.

Ваня молчал:

– Дальше здесь перечисляются фильмы, которые *можно* смотреть, и музыкальные группы, которые *можно* слушать, потому что их любит Дэн... Ваня, неужели ты не понимаешь, что это *зомбирование детей*? Это же навязывание чьей-то воли вам, подрастающему поколению!

Ваня молчал.

– Вас хотят сделать такими, *какие вы им нужны!* Вы должны пить колу и покупать то, что они вам изготовят, читать то, что они вам напишут, смотреть то, что они для вас снимут. Вот ты только посмотри: «Закидаем всех бейсболками от Н. Р.!» Или вот это: «Кока-кола или чай? – Кока-кола. Конечно, чай полезнее колы в 100 раз, но я так люблю колу, что ничего не могу с этим поделать».

Мама опустила руку с журналом и вопросительно посмотрела на сына.

– Неужели ты не понимаешь, – продолжала она, – что, если это говорит кумир всех фанов книги о мальчике в очках Руперт Гринт, то это закон, это программа к действию для всех, кто хочет быть похожим на него. Ваня, вас создают по образу и подобию, но, увы, не Божию, а Гарри и ему подобных.

Пейте, дети, кока-колку,
Потом купите бейсболку.
Звезда Руперт колу пьёт
Вам пример всем подаёт.

Мама говорила очень громко, почти кричала. Такая эмоциональность была ей не свойственна. Ваня даже удивился, но, как и прежде, ничего не сказал.

Мама судорожно листала журнал, пробегая глазами помещённые там заметки.

– Смотри, – продолжила она. – «Привет, меня зовут Ксе-

ния. Я – огромная фанатка Гарри, а особенно Дэна Рэдклиффа. Хочу переписываться с единомышленниками (к маглам просьба – не беспокоить)».

– Ну, как тебе эта белая кость, эта голубая кровь? Они – высшая каста, а все, кто не с ними – это серость и ничтожество, недостойное их высочайшего внимания. Хочешь стать членом этой расы? Тогда будь, как они, делай, как они, думай, как они. Но они врут, воруют, проявляют жестокость к людям и животным, глумятся, презирают физический труд, нарушают школьные порядки, ты же читал в своей книге! Белой кости, шестой расе, человеческие законы не писаны, они – *над* этими законами. И если *ты* думаешь по-другому, значит, *ты* – магл, ты – дрянь, которую они презирают и ставят ни во что. Если ты не куришь, это твои проблемы, потому что *они* курят, и они будут дымить тебе в лицо, и ты должен будешь вдыхать их смрад и терпеть, потому что они *свободны* делать то, что хотят, потому что их много, потому что они – сила. А *твоя* свобода их не интересует. Если ты встанешь у них на пути, они раздавят тебя: обольют тебя грязью, натравят на тебя всякое отребье, наколдуют тебе поросячий хвост, – попросту открутят тебе голову, как петуху, который позволил себе прокукарекать не в их тему. Их идол – это свобода, позволяющая им попирать всё, что ограничивает их *личную* свободу, их *личные* желания и интересы. ИХ СВОБОДА – ЭТО БЕЗЗАКОНИЕ И ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ!

Ваня повернул голову и тупо уставился в окно.

– А магия? Это же средство к достижению этой свободы, потому что она помогает дурачить маглов и управлять их сознанием. Тот, кто завладеет чужим сознанием, обретёт и политическое господство. *Вот* почему им нужна магия. Магия – это их святыня. Владеешь магией – включаешься в разряд хозяев жизни, не владеешь – низшая раса! А тем, кто посягнёт на эту святыню, мало не покажется. Так что твоя любимая сказка – это и не сказка вовсе, а детское пособие по оккультизму! Дети тянутся к необычным приключениям, битвам на волшебных палочках, полётам на мётлах, заклинаниям, чудесным превращениям с помощью заколдованного зелья точно так же, как ребёнок тянет руку к красивому мухомору, не подозревая, что в нём есть яд, который может его убить. Ты не забыл, чем закончились эксперименты с магией для родителей твоего героя?

Мама бросила журнал и опустилась на колени перед сыном, глядя ему прямо в глаза:

– Ваня, миленький! *Я не хочу*, чтобы ты был таким, какой ты нужен дядям и тётям, которые думают только о том, как бы на вас заработать как можно больше денег и, тем самым, приобрести как можно больше личной свободы! Я хочу, чтобы ты был самим собой! Ты слышишь меня? Я хочу, чтобы ты был самим собой! – Она схватила сына за плечи и трясла его, как трясут дерево, чтобы сбить с него червивые плоды. – Ваня, родной ты мой, кровиночка моя, ну скажи

хоть что-нибудь!

Мама целовала щёки, лоб безучастно смотрящего на неё сына и плакала.

– Оставь меня, – равнодушно ответил Ваня, – я устал, я очень хочу спать, а про себя подумал: «Как же мы с ней похожи на Кая и Герду в ледяном дворце Снежной королевы!»

Ваня быстро заснул, но желанный сон вместо отдыха и покоя принес с собой ещё большую тревогу и превратился в сущий кошмар.

На опушке леса стоял маленький домик, из которого выбежал мальчик и громко хлопнул дверью. В этом мальчике он узнал себя. Вслед за ним выбежала мама в платье и чепчике Герды. Она громко кричала ему вслед, просила вернуться, но, видя, что мальчик неумолим, побежала догонять его.

Ваня побежал ещё быстрее. Лес становился всё гуще и гуще. Он устал и присел на пенёк отдохнуть. Вдали, между деревьев, он видел таинственный свет, который манил его. Ему очень хотелось увидеть то, что излучало этот завораживающий душу свет.

Вдруг, продираясь через колючие кусты, невдалеке от него появилась мама-Герда с исцарапанными лицом и руками. Из последних сил она подбежала к нему, и бросилась ему на шею, но он грубо оттолкнул её, и она упала на землю. Ваня видел, как она пыталась встать, но у неё что-то случилось с ногой. Она пыталась идти, но от резкой боли в ноге она снова и снова опускалась на землю. Мама-Герда просила о помощи, но ему не было её жаль. Она была жалкая, её лицо кривилось от боли, она плакала. Ване даже хотелось её ударить, но нельзя было терять времени. Ему нужно было как

можно скорее добраться туда, откуда исходил таинственный свет.

Он всё шёл и шёл, идти становилось всё труднее и труднее. Свет, по мере приближения к нему, становился всё слабее и слабее, и вдруг исчез совсем. Сплошная тьма окутала его, и в том месте, откуда исходил свет, она стала чернее самой черноты.

Ваня пристально вглядывался в то место, где раньше был свет, и ему показалось, что чернота ожила. Она превратилась в чёрный сгусток, постоянно менявший свою форму. Стало больно смотреть на оживший мрак, и хотелось отвести взгляд, но сгусток не отпускал. Его взгляд, как будто, прикипел к нему. Потом стало казаться, что сгусток начал двигаться вперёд, втягивая в себя всё, встречавшееся на его пути: деревья, кусты, висевших на ветках летучих мышей и пролетавших мимо сов. Ваня собрал все свои силы, отскочил в сторону и бросился бежать в обратную сторону. Ему стало страшно. Так захотелось вернуться в маленький домик на опушке, но дороги не было.

Он бросался то в одну, то в другую сторону, наталкивался на колючие кусты и холодные корявые деревья, которые больно хлестали его своими ветками, а чёрный сгусток был уже совсем близко. Его гнилостный запах уже заползал ему в ноздри, а леденящий холод сковывал руки и ноги.

Ваня изо всех сил пытался убежать, но падал, а колючие ветки отбрасывали его назад, всё ближе и ближе к этой все-

поглощающей тьме. Вот она коснулась его кисти, и он с ужасом увидел, что кисть исчезла! Он хотел вытащить её, но рука не повиновалась! Ещё чуть-чуть – и рука его тоже исчезнет, а затем исчезнет и он сам.

– Нет! Я не хочу умирать! Не хочу, не хочу! – закричал Ваня и увидел над собой испуганное лицо мамы, только она уже была не в платье Герды, а в ночной сорочке.

– Сынок, проснись! – услышал он мамин голос и понял, что это она разбудила его и не позволила тьме засосать его.

Ваня слышал, как его губы всё ещё продолжали шептать «не хочу, не хочу», хотя он уже проснулся.

– Всё, всё хорошо. Ты уже проснулся, – успокаивала его мама. – Ванечка, это был просто страшный сон, и только. Теперь ты проснулся, и всё страшное уже позади.

Ваня попробовал поднять руку, засосанную тьмой, и не смог. Рука затекла. Он тихо застонал.

– Сынок, что тебе приснилось, что? – Ласково спросила мама.

– Он хотел меня засосать, – ещё дрожащим от страха голосом ответил Ваня.

– Кто он? – переспросила мама.

– Сгусток.

– Ну его, этот сгусток! Куда ночь, туда сон. Я сейчас зажгу лампадку и помолюсь возле тебя. Страх уйдёт далеко-далеко в тёмный лес.

– Я не хочу в тёмный лес! – закричал Ваня и схватил маму

за руку.

– Нет, нет, ты будешь со мной. Я никуда тебя больше не отпущу. – Мамин голос звучал так мягко и так уверенно, что страх действительно отступил.

Зажжённая лампадка отбрасывала тихий зелёный свет на потолок. Мама принесла книжку, встала перед иконами и начала тихо читать нараспев.

Это был акафист священномученику Киприану, который помогает от чародейства и волшебства. Ваня знал, что святой Киприан сначала сам был колдуном, имевшим большую силу повелевать бесам, так что те были вынуждены подчиняться и исполнять его волю.

Как-то раз пришёл к нему молодой человек, восплавывший любовью к красавице Иустине, которая оказалась христианкой и отказалась выйти за него замуж, желая полностью посвятить свою жизнь Христу. Молодой человек попросил приворожить к нему Иустину, и Киприан послал к девушке бесов, чтобы они разожгли любовь в её неприступном сердце, но бесы вернулись ни с чем. Оказалось, что она молится распятому Христу, а это лишает их силы. И колдун Киприан задумался: если только молитва к Христу обессиливает всеильных духов, то какую же власть имеет над ними сам распятый Христос?

Языческий жрец пошёл к христианскому епископу и попросил, чтобы тот его окрестил. Зная дела известного во всём городе колдуна, епископ отказался это сделать.

Тогда Киприан, в доказательство своего твёрдого намерения стать христианином, собрал все свои колдовские книги и сжёг их в центре города к большому удивлению жителей. После этого он опять пошёл в церковь и сказал, что не выйдет оттуда, пока его не окрестят.

В скором времени Киприан стал диаконом, а потом и священником, и приложил много трудов для освобождения людей от темноты язычества, но во время очередного гонения на христиан он был казнён вместе с христианкой Иустиной, которая, по сути, привела его к Христу.

Последним желанием священномученика была просьба казнить сначала Иустину, а потом уже его. Он боялся, что по своей женской немощи чистая дева не выдержит и, увидев его отрубленную голову, отречётся от своего Небесного Жениха.

Мама тихо читала, слова молитвы ложились на сердце, как размеренные звуки морского прибоя. Ваня совершенно успокоился, его веки стали тяжёлыми и вскоре сомкнулись. Уже в полудрёме он пробормотал: «Мама, как же хорошо с тобой!» – и заснул.

На следующий день, после урока физкультуры, Ваня вышел из раздевалки и почувствовал, что в кармане его пиджака что-то лежит. Он опустил руку в карман и вытащил блокнот с портретом мальчика в очках. Сердце у него в груди ёкнуло. Он уже твёрдо решил для себя, что ни в какие клубы ходить он больше не будет, что все эти сказки – не для него, и тут этот блокнот.

Ваня вспомнил слова Лилового: «тебя пригласит тот, в кого ты родился», и холодок пробежал по спине. Он осторожно открыл блокнот, опасаясь, чтобы из него что-нибудь эдакое не выскочило, и увидел надпись на первой странице, написанную очень красивым, просто каллиграфическим почерком:

*Поздравляю с рождением. Очень рад. Впереди у нас фантастические приключения. Уверяю тебя, ты не пожалеешь.
Твой Хэрри.*

Что это? Ваня тут же вспомнил о своем письме к английскому мальчику-волшебнику. Может быть, это и есть его ответ? Он ещё и ещё раз перечитал надпись в блокноте, закрыл его и долго смотрел на улыбающееся с обложки лицо, пока ему не показалось, что оно ожило, и мальчик с картинки подмигнул ему.

Может, действительно, не всё так страшно, как ему по-

казалось? Может, эта клятва, и эта подпись кровью ничего не значат? Может, это просто обыкновенный сказочный ритуал? Вот живёт он такой себе Ваня Жуков, ходит в школу, делает уроки, читает утром и вечером «Отче наш» – тоска! А новый мир ворвётся в его жизнь с неистощимой жадной перемен, и она тут же превратится в одно сплошное приключение.

«Здорово!» – подумал Ваня, и в этот момент кто-то толкнул его по плечу. Обернувшись, он увидел Пашку, который, не скрывая удивления, сказал:

– Привет! На что это ты пялишься уже десять минут? Я пирожок успел купить и съесть, а ты всё стоишь и стоишь тут, как вкопанный.

От неожиданности Ваня никак не мог прийти в себя. Он стал поспешно засовывать блокнот в карман.

– Любуешься? – хихикнул Пашка, успев рассмотреть обложку блокнота.

Ваня не ответил.

– А где это ты был вчера вечером? Твоя мама повсюду тебя искала.

– Я же тебе говорил, что позже всё тебе расскажу, а пока ещё не могу, честно.

– Вот ты какой! – Недовольно отреагировал Пашка. – От друга скрываешь?

– Я потом тебе расскажу...

– Ладно, проехали. Дело твоё. Смотри только, чтоб потом

поздно не было.

– Скажешь ещё, – смутился Ваня, а сам в душе обрадовался, видя, что Пашка уже включает первую скорость и собирается нажать на газ.

– Давай, мусорный мститель, пока. – Пашка хлопнул друга ладонью по плечу, и через секунду его уже и след простыл.

«Чистый мерс», – сказал Ваня вслед своему неугомонному другу и медленно пошёл по школьному коридору.

После получения блокнота жизнь для Вани превратилась в ожидание очередных сюрпризов, и они не заставили себя ждать. Буквально на следующий день, подойдя к двери своей квартиры, он заметил что-то торчащее рядом с замком и тут же догадался: это весточка от Него.

Он вытащил листок, в который что-то было завернуто. Два быстрых движения – и в руке его оказалась маленькая линейка с кадрами из фильма о мальчишке-волшебнике. Ване показалось, что лицо на картинке опять оживило, и симпатичный очкарик снова подмигнул ему.

– Привет, – сказал Ваня своему мистическому другу с линейки. – Заходи, гостем будешь.

Ему действительно показалось, что гость вошёл вместе с ним. Он провёл его по квартире, показал свои игры, книги, а потом пригласил на кухню.

Ваня поставил на стол две чашки и налил в них чай. Сначала он выпил чай из своей чашки, потом из чашки невидимого гостя, спросил, нравится ли ему чай, печенье, и какое печенье он любит кушать у себя дома. Потом, вспомнив разговор с мамой, извинился перед другом-невидимкой за то, что не может предложить ему кока-колу, так как в их доме её просто нет.

Ване было так весело, как никогда. Мистический друг

внёс в его жизнь свой неповторимый колорит. Всё стало ярче: и занавески на окнах, и рисунок на чашках, и скатерть на столе. Ему ещё и ещё хотелось играть со своим гостем, но вдруг он почувствовал, что остался один.

Быстро помыв посуду, Ваня плюхнулся на кровать, потому что теперь ему оставалось только вспоминать этот необычный визит.

В другой раз в пакете со спортивной формой оказался белый пакетик, которого раньше у него не было. Развернув его, Ваня ахнул от неожиданности: в пакете лежала бейсболка с надписью «Н. Р.», а к бейсболке приколот листочек, на котором написано всё тем же каллиграфическим почерком:

*С нетерпением жду встречи. Увидимся на юбилее!
Твой Хэрри.*

Первой мыслью было предположение, что это розыгрыш, но он тут же отогнал эту мысль. Какое-то шестое чувство подсказывало ему, что все эти чудеса исходят от *самого* волшебника, который теперь незримо присутствует в его жизни. А как же иначе! Ваня открыл ему своё сердце, и он просто вошёл в открытую дверь.

Да, именно сердцем он чувствовал присутствие невидимого друга, потому что оно замирало всякий раз, когда на глаза попадались блокнотик или линейка, полученные от него. Правда, первый лист с надписью ему пришлось вырвать и запрятать в дальний угол ящика письменного стола, подальше от маминых глаз.

После той ночи, когда ему приснился страшный сон, мама успокоилась и повеселела. Они опять непринуждённо беседовали о всякой всячине за чаем, мама шутила, Ваня весело смеялся. Их отношения снова стали идеальными, хотя радовались они каждый о своём. Но мама об этом не догадывалась, а сын и не собирался разрушать её иллюзии.

Бейсболка была последним подарком. Но зато каждый день и каждый раз в каком-нибудь новом месте, Ваня обнаруживал надпись: «до юбилея осталось 20 дней», «до юбилея осталось 18 дней», «до юбилея осталось 10 дней». Чем меньше дней оставалось, тем больше волновался Ваня. При этом он испытывал странное чувство радости, смешанной со страхом.

Подобное можно испытать, стоя на краю обрыва: ты стоишь на высоте, перед тобой бескрайнее небо, под тобой, далеко внизу, камни, кусты. Они кажутся маленькими и нестрашными, но всё-таки резкий обрыв пугает своей неизвестностью и притягивает к себе своей неизбежностью. Всего лишь шаг – и ты воспаришь над ним, как птица, или полетишь кубарем вниз, потеряв равновесие.

«Что ищет он в стране далёкой? Что кинул он в стране родной?...»

Строчки из знакомого с детства стихотворения выплыли из глубин памяти маленьким корабликом под белым парусом, пробивающим себе дорогу среди бурных волн, одна за другой накатывающихся на него. Жалкий и беспомощный,

кораблик мечется то в одну, то в другую сторону, временами почти заваливаясь набок под тяжестью накатившейся волны. Ветер шумит, воет, гудит, надувая парус так сильно, что тот вот-вот уже готов разорваться. Ване было так жаль этот маленький кораблик, но он ничем не мог ему помочь. Единственное, что мог он сделать, – это перестать о нём думать.

Усилием воли он вернулся к мыслям о предстоящем празднике, но радость исчезла и уже не возвращалась, а страх становился всё более и более отчётливым. Почему-то ему показалось, что этот маленький кораблик, заливаемый волнами, и есть он сам.

«Что ищет он в стране далёкой?» – повторил Ваня вопрос поэта, но в это мгновение в дверь позвонили. Он спросил, кто там, но никто не ответил. Тогда он посмотрел в глазок – на лестничной площадке никого не было

«Ошиблись дверью», – подумал Ваня и повернулся, чтобы вернуться к себе в комнату, но в дверь опять позвонили. Ваня прильнул к глазку – на лестничной площадке никого не было.

«Балуются», – подумал он и решил не отходить от глазка до тех пор, пока не увидит, кто звонит.

Ваня стоял и стоял, ему уже надоело стоять, но никого не было видно. В тот момент, когда он уже хотел отойти от двери, снова раздался звонок. На лестничной площадке никого не было.

Ваня торопливо открыл дверь. На лестничной площадке –

никого. Он уже хотел было закрыть дверь, как его внимание привлекло что-то белое, лежавшее на коврик у двери. Ваня нагнулся. Это был лист, сложенный вдвое. Он развернул его и прочитал:

До юбилея осталось 3 дня.

Место проведения: там же.

Время прихода для новорожденного №13: суббота, 20:17.

Форма одежды: парадная (маска новорождѣнного обязательна).

Пароль для входа в зал торжественных церемоний: «Я здесь не просто так».

А в самом низу листа было дописано большими печатными буквами: «с собой никого не приводит!»

Ваня перечитал приглашение несколько раз и, убедившись, что на лестничной площадке никто так и не появился, вошёл в квартиру и закрыл за собой дверь. Ему стало страшно. Два внутренних голоса боролись в нём. Один убеждал никуда не ходить, а другой, более убедительный и настойчивый, смеялся над его трусостью и сомнениями. Этот голос настойчиво повторял: «Если ты упустишь *этот* шанс, другого не будет. Дверь, ведущая в мир волшебства и приключений, закроеется для тебя навсегда».

В самом деле, думал Ваня, что плохого в том, что он сходил на день рождения? Да, было страшно, было непонятно, было непривычно, но после этого его жизнь изменилась только к лучшему: улучшились отношения с мамой, жизнь

наполнилась сюрпризами и ожиданием чего-то по-настоящему интересного. Нет, я должен переступить через этот глупый страх.

«Для этого нужно не бояться переступить черту», – пришли на память слова, услышанные на дне рождения.

«Да, да, не бояться переступить, – повторил Ваня вслух, чтобы этот аргумент стал ещё более убедительным. – Новое всегда пугает, а тем более, неизведанный мир волшебства, от которого я ещё так безнадёжно далёк».

Ваня задумался, и у него перед глазами возник маленький мальчик, собирающий чемодан перед отъездом в школу волшебников. Мгновение спустя – он уже на вокзале в растерянности провожает глазами машину дяди, который со смехом бросил его на платформе номер девять, хотя ему нужна была платформа номер девять и три четверти. Он вспомнил, как у бедняги совершенно пересохло во рту от страха и волнения, когда выяснилось, что поезда, отправляющегося в одиннадцать часов, просто не существовало!

Как ему было стоять там, посреди платформы, с огромным чемоданом, который он с трудом мог оторвать от земли? Разве ему не было страшно сделать то, что, по сути, являлось абсурдом: пройти через разделительный барьер между платформами девять и десять? Было! Но он сделал это!

Ваня пошёл в комнату, вытащил подаренный блокнот, взял ручку и уверенным почерком написал:

Я решил. Я иду.

На сей раз Ваня вышел заблаговременно. Он никак не мог понять, почему в приглашении в строке «время прихода» было указано «20:17». А если он придет в 20:16, его не пустят? Поэтому он решил прийти к восьми, стать в сторонке и посмотреть, как будут приходить другие. На сердце у него было беспокойно. В прошлый раз было много необычного. Какие ещё сюрпризы его ждут?

Ваня подошёл к месту, откуда был виден вход в подвал. Было без пяти минут восемь. Он присел за кустом, чтобы его нельзя было заметить, но пять минут до восьми часов тянулось как целых полчаса.

Наконец наступило восемь, только к подвалу никто не подошёл. Начали затекать ноги. Он хотел встать на колени, но, вспомнив о парадной форме одежды, решил ещё немного потерпеть. Вскоре он увидел женщину, идущую по направлению к подвалу.

«Неужели эта тётя тоже на юбилей?» – подумал Ваня, но тётя прошла мимо.

Потом прямо у входа в подвал остановилась девчонка примерно его же возраста.

«Вот она-то, наверное, точно новорождённая», – подумал он, пристально вглядываясь в лицо девчонки.

Нет, она была не из их школы. И выражение лица у неё бы-

ло какое-то совершенно несказочное. Обыкновенная зануда, типа старосты. Девчонка стояла на одном месте и время от времени вертела головой по сторонам. Она, явно, кого-то ждала. Ваня глянул на часы, и сердце его ёкнуло – 20:10.

«Кого она ждёт? А если она не из наших, как я тогда войду в подвал?» – Вопросы возникали один за другим, но ответов на них не было.

Остановившееся было время теперь понеслось, как сумасшедшее: 20:11, 20:12.

«Что же мне делать? – спрашивал себя Ваня. – Зайти в подвал, не обращая на неё внимания? Спросить что-нибудь для отмазки, типа, «девочка, ты не видела, заходил ли в подвал мой папа?»»

20:13, 20:14. Время стремительно приближалось к обозначенному для него пределу.

«Эту зануду специально поставили здесь, – осенило его. – Ну, что же, посмотрим».

Выйдя из своего укрытия, Ваня быстрым шагом пошёл по направлению к подвалу.

Как только девчонка увидела его, она тут же завернула за угол дома и скрылась из виду.

«Теперь понятно! Она должна дать им сигнал, но зачем? И почему никто из других новорождённых не появился?»

Ваня почувствовал лёгкую дрожь в коленях.

«Они же ждут именно меня!»

На часах – почти 20:17, а он только спускается по ступень-

кам!

Вот и порог. Маска новорождённого из кармана тут же переместилась на лицо.

Узкий подвальный коридор встретил испытуемого крошечной темнотой и запахом сырости. Пролёт, ещё один, ещё, и никаких признаков жизни! Сердце в груди сильно забилось.

«Зачем они завязали мне глаза в прошлый раз? Чтобы я, как слепой котёнок, носился по этим тёмным коридорам?»

За спиной послышался какой-то шорох. Ваня резко развернулся и чуть не вскрикнул от неожиданности. На расстоянии шагов десяти от него стояла фигура в белом, размахивающая крыльями!

«Опять маскарад! Пугальщики чёр...»

Желание чертыхнуться тут же исчезло, потому что в этом подвале только нечистой силы ему ещё и не хватало! От нервного перенапряжения лоб покрылся испариной. Фигура в белом исчезла, но прямо над головой со странным уха-ньем пролетела какая-то птица, чуть не задев его крылом, и вслед за этим раздался леденящий душу хохот:

– Ха-ха-ха! Ах-ха-ха-ха!

Этот дурацкий хохот производил какое-то совершенно отвратительное эхо.

– Кто здесь? – крикнул Ваня, теряя самообладание.

В ответ всё то же:

– Ха-ха-ха! Ах-ха-ха-ха!

«Зачем они меня пугают? Бежать отсюда!»

Ваня сорвался с места, но, не пробежав и трёх метров, наткнулся на что-то мягкое, и жуткий крик «Мя-а-а-у!» заставил его отскочить назад.

– Боже! Да что же это за чертовщина!

– Приветствуем тебя, наш друг! – прозвучало где-то впереди, и неожиданно вспыхнувший огонь факела вырвал из темноты несколько фигур в масках, среди которых была и лиловая фигура Ваниного проводника. Её хриплый голос снова показался знакомым.

– Приносим извинения за некоторые неудобства, которые тебе пришлось перенести, но наш юбиляр любит поиздеваться над новичками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.